39
Всесоюзная Книжная Палата
Обяз. экземпл.
1950 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 51 (2642) Суббота, 24 июня 1950 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 стр. **Передовая.** Огни новой деревни. **А. Федорова, К. Цыпленков.** Летопись большой жизни. **Н. Грибачев.** Встреча с корейскими друзьями.

2 стр. и 3 стр. **Е. Ковальчик.** О литературной критике. **Вл. Дыховичный, М. Слободской.** Законный вопрос. **В. Шутов.** Сквозь зону военного психоза. **Л. Ошанин.** Народ непобедим!.

4 стр. **Илья Эренбург.** Пять стран. **И. Андроников.** Гёте пошел с молотка.. **Ф. Терский.** Четверостишия Бо Цзюй-и.

Огни новой деревни

Знаменательное событие произошло полгода назад в Черкасском районе на Украине. В поле, на бескрайних массивах колхозных нив, собрались на митинг свыше девяти тысяч колхозников. Они пришли сюда со всей округи, чтобы чествовать любимого вождя и учителя товарища Сталина в день его семидесятилетия. В этот день они решили начать большое, кровно их затрагивающее дело — заложить агрогород, культурный, благоустроенный город-сад, достойный творцов коммунистического общества.

После митинга, когда сняли красное полотнище, взгляду открылся гранитный монумент, на котором было высечено:

«Замість старих сел — Леськи, Талдики, Худяки і Ломовате, що віджили свій вік, тут буде споруджено колгоспне агромісто імені Сталіна.

Закладено в день 70-річчя товариша Сталіна.

21 грудня 1949 року».

Прошло несколько месяцев, и тысячи колхозников четырех сел, объединившиеся в одну артель, дружно принялись за дело.

Знаменательно и то, что в тот же день, 21 декабря прошлого года, в другом месте Украины, на Херсонщине, труженики ордена Ленина колхоза имени Сталина, в честь семидесятилетия товарища Сталина, заложили первые четыре дома своего будущего агрогорода.

Уходит в прошлое соломенная, избяная деревня. Давно уже возникло новое советское село с его общественными зданиями, хозяйственными постройками, культурно-бытовыми учреждениями. Но и это новое село, рожденное колхозным строем, ныне не удовлетворяет возросших потребностей крестьянина-коллективиста. Богатеют наши колхозы, становятся зажиточнее колхозники, растет их культурный уровень — жизнь создала возможности и продиктовала необходимость приступить к широкому переустройству сел и деревень. Колхозники хотят жить в красиво спланированном поселке, в котором были бы водопровод, канализация, звуковой кинотеатр, дом культуры, книжный магазин, гостиница, телефон, аптека...

Колхоз имени Димитрова, Коломенского района, Московской области, электрифицирован еще до войны. Электрический ток здесь приводит в движение 22 мотора, дает свет во все дома. Здесь имеется свой радиоузел, клуб, стадион. Но всего этого мало, — объединившись с тремя соседними артелями, колхозники решили заново перестроить село Мячково, соорудить здесь Дворец культуры, десятки двухэтажных кирпичных домов, школу-десятилетку, насадить парк и плодовые сады, проложить водопровод, провести шоссе до автомагистрали Москва—Рязань.

В старые, дореволюционные времена села и деревни зачастую возникали не в тех местах, где надо бы жить человеку, а на бросовой земле, не нужной помещику и кулаку, — на болотах, в оврагах, вдали от леса и рек. Ныне колхозники выбирают для поселения красивые и удобные места. Новым селам присваивают новые наименования, чтобы ничто не напоминало прежних Голодаевок, Неурожаек, Гореловок и Нееловок.

Строительство — жилищное, производственное, культурно-бытовое — вызвало на селе новые отрасли производства — кирпично-черепичное, деревообрабатывающее, по обработке камня, обжигу извести и многие другие. На селе родились новые профессии. Теперь уже не редкость встретить в колхозе инженера или техника-строителя, а десятников-строителей и бригадиров — многие тысячи.

Навыки и любовь к строительству воспитываются у крестьян с детства. Пришло время, когда сельские строители могут блеснуть своими талантами не только на городских и промышленных стройках, но и у себя дома!

Народная инициатива щедро оплодотворяет колхозную стройку. В обсуждении планов строительства участвуют миллионы и миллионы колхозников. Тысячи колхозных активистов помогают решать сложные вопросы строительства — тут и общая планировка сел, и размещение хозяйственных построек, проекты жилых домов и культурно-бытовых зданий, возможности использования местных материалов. Активисты эти находят новые месторождения глины, извести, заменители цемента и кровельных материалов.

Множество вопросов возникает в связи со строительством, они волнуют всех — от мала до велика. Да и как не волноваться, когда речь идет о коренной перестройке привычного уклада жизни, о строительстве быта новой, социалистической деревни.

Колхозы стремятся использовать богатый опыт строительства, накопленный на городских и промышленных стройках. Кое-где создаются колхозные предприятия, заготовляющие узлы, блоки и детали для последующей сборки на строительной площадке. В Геническе, в колхозе имени Сталина, создана первая в стране машиностроительная станция, механизировавшая все строительные работы.

Жизнью, опытом, практикой колхозники убеждаются в том, что мелкие артели тормозят развитие коллективного земледелия, не позволяют полностью использовать огромные преимущества механизации. Маломощным колхозам не под силу выделить достаточное количество рабочей силы, материальных и денежных средств для большого, перспективного строительства. Не случайно колхозы, приступившие к реконструкции своих поселков, к строительству агрогородов, — это крупные колхозы, многие из них образовались недавно путем слияния мелких артелей.

В мощных крупных колхозах — перспектива развития нашего коллективизированного сельского хозяйства. И по мере того, как их будет все больше и больше, работы по строительству новых благоустроенных сел будут принимать все более широкий размах.

На конференции аграрников-марксистов в 1929 году товарищ Сталин говорил, что при колхозном строе «вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоположности между городом и деревней. Оно создает почву для того, чтобы лозунг партии «лицом к деревне» дополнялся лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу».

Колхозное крестьянство повернулось «лицом к городу». Оно хочет, чтобы само село стало цветущим городом-садом.

Широко развернувшееся строительство новых сел, сооружение первых агрогородов, перспективы завтрашнего дня настоятельно требуют, чтобы и город еще ближе стал к нуждам села. Деревня ждет помощи от наших архитекторов. Союз советских архитекторов, Академия архитектуры СССР, проектные организации пока еще не полностью удовлетворяют потребности села.

Пока не видно, чтобы наши издательства учитывали в своих планах нужду деревни в литературе по строительному делу. Нужны пособия по добыче местных строительных материалов, по отдельным строительным специальностям, книжки и брошюры, описывающие опыт городского и сельского строительства.

Строительство агрогородов, — какая волнующая тема для писателя, для художника! Будем надеяться, что в скором времени появятся хорошие книги, кинокартины и пьесы, которые расскажут об опыте строителей первых агрогородов, создадут образы энтузиастов этого прекрасного, благородного дела, образы, которым будут подражать, на примере которых будут учиться строить города-сады коммунистического завтра.

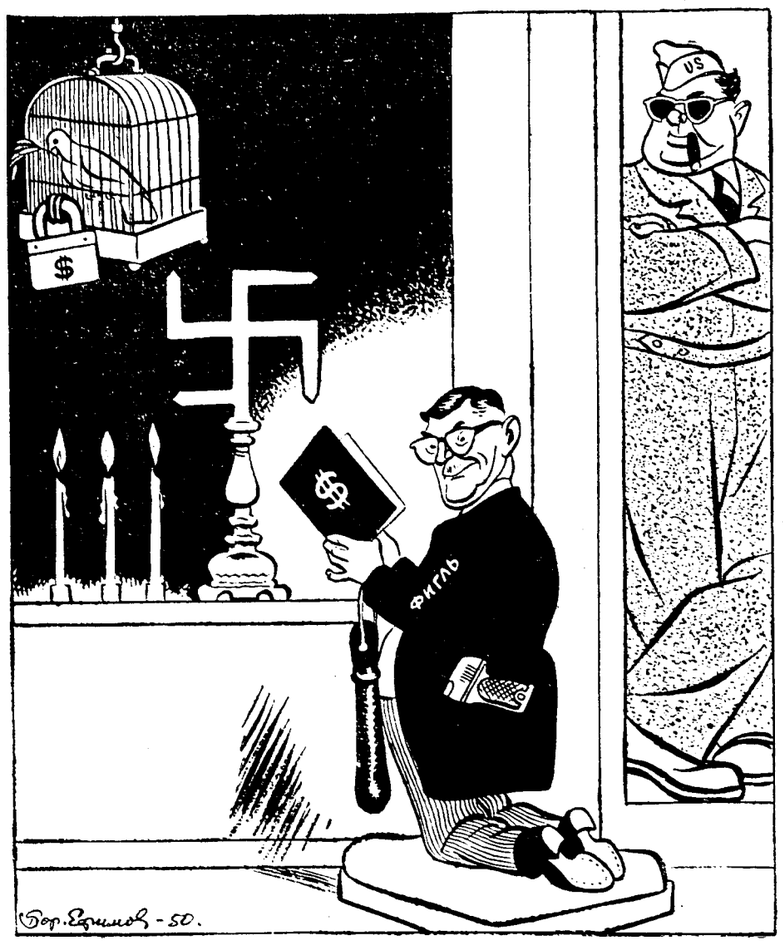
Заложены первые агрогорода. С кальки и чертежей они входят в нашу жизнь «весомо, грубо, зримо», чтобы украсить жизнь людей, которые не только строят коммунизм, но и будут жить при коммунизме.

«ПОЧИТАТЕЛИ МИРА» В АВСТРИИ

Мотивируя отказ австрийского правительства присоединиться к воззванию Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, канцлер Фигль заявил: Мир для австрийцев является «чересчур святым делом»... «Мы не нуждаемся в сборе подписей».

(Из газет)

Рис. Бор. ЕФИМОВА



«Святое дело» канцлера Фигля

А. ФЕДОРОВА,
К. ЦЫПЛЕНКОВ

ЛЕТОПИСЬ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

В музее М. И. Калинина

«...Бороться успешно за коммунизм — это значит итти за Сталиным».

Эти мудрые, горячие слова Михаила Ивановича Калинина золотом горят при входе в открывшийся вчера в Москве музей М. И. Калинина. В этих словах — неиссякаемая воля, мужество и сила борца и труженика, отдавшего всего себя без остатка делу рабочего класса, гордо прошедшего жизненный путь в рядах партии Ленина — Сталина. Таким остался в народной памяти Михаил Иванович Калинин.

В экспонатах музея отображена жизнь этого мудрого, большого, поистине неповторимого человека. Каждый предмет, — будь то кожаная тужурка или армейская шинель, в которой Михаил Иванович Калинин разъезжал по фронтам гражданской войны, будь то письменный прибор, которым он пользовался, — все волнует, все напоминает о нашем родном и близком друге — Михаиле Ивановиче.

Мы в зале, где газеты, книги, документы, фотографии, картины рассказывают об участии Михаила Ивановича Калинина в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Перечитываем его речи и статьи, опубликованные в «Правде» и «Солдатской правде» в марте — июне 1917 года. Кажется, будто сидит он, Михаил Иванович, в кругу крестьян, рабочих и запросто обсуждает с ними пути революционного движения, пути, которым суждено открыть новые страницы человеческой истории. Михаил Иванович Калинин умел страстным словом большевика поднимать массы на борьбу за свержение ненавистного буржуазного строя. Настроение революционного энтузиазма передает нам скульптура работы Д. Епифанова и П. Куликова: Михаил Иванович в группе красногвардейцев Петроградского трубочного завода, на котором он, по указанию партии, организовал двухтысячную дружину борцов за революцию.

Документы, документы, документы. Их такое множество, что и перечислить невозможно. Вот извещение из газеты «Рабочий путь» об избрании Михаила Ивановича гласным районной Лесновской думы и председателем ее исполнительного органа. После Октября Михаил Иванович — на посту Петроградского городского головы, а затем — комиссара городского хозяйства. Умело, с присущей ему энергией организует он двухмиллионное население города на восстановление и перестройку хозяйства.

В памяти старшего поколения живы воспоминания о днях, когда после смерти Я. М. Свердлова Владимир Ильич Ленин, предлагая избрать М. И. Калинина председателем ВЦИК, говорил:

«...кандидатура такого товарища, как тов. Калинин, должна бы объединить нас всех. Такая кандидатура поможет нам практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним».

Горячей признательностью ответил на высокое доверие Михаил Иванович:

«...мое избрание я рассматриваю как символ тесного союза крестьян с рабочими массами, так как в моем лице объединяется рабочий Петрограда с тверским крестьянином».

М. И. Калинин был воистину неутомимым деятелем ленинско-сталинского типа. В 1919 и 1920 годах с поездом «Октябрьская революция», организованным по инициативе В. И. Ленина, Михаил Иванович Калинин посетил свыше 260 городов, сел, деревень, разъясняя трудящимся важнейшие задачи государственного строительства, подымая народ на борьбу за укрепление советской власти, за построение нового общества, о котором веками мечтали лучшие умы человечества.

Не было фронта, на котором не побывал бы Михаил Иванович Калинин. Он всегда появлялся там, где опасность для Родины была особенно велика. Глава верховной власти живыми, простыми, доходчивыми словами воодушевлял воинов на победу над врагами.

Зал один, другой, третий... Словно перелистываешь страницы истории, заново все переживая. Вот на II Всесоюзном съезде Советов, вслед за товарищем Сталиным, давшим клятву от имени великой партии большевиков, Михаил Иванович призывает народ удесятерить усилия в осуществлении ленинских заветов построения социализма.

Доклад Михаила Ивановича на V Конгрессе Коминтерна: «Ленинизм и Коминтерн». Каждое его слово — это удар по капитулянтам и ренегатам всех мастей и видов. Под руководством великого Сталина, как верный его соратник, Калинин ведет неустанную борьбу за реализацию сталинской программы социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В картинах крупнейших советских художников запечатлены различные эпизоды из жизни Михаила Ивановича: встречи Калинина и Кирова с рабочими Путиловского завода; Калинин среди руководителей партии и правительства за разработкой плана первой пятилетки; посещение Калининым строительства Ростовского завода сельскохозяйственных машин; волнующий момент открытия Калининым XVI съезда партии.

Здесь тексты выступлений и статей Михаила Ивановича об успехах социалистического строительства, о задачах организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Как бы итогом гигантского этапа строительства социализма звучат слова М. И. Калинина, высеченные на бронзовой плите:

«Сотни миллионов людей, обремененных нуждой, колониальным порабощением, капиталистической эксплоатацией, имена Ленина и Сталина связывают с утренней зарей своего возрождения».

Михаил Иванович Калинин неутомимо боролся за укрепление нашего отечества, нашей демократии, морали, этики. Беспредельно преданный учению Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, он любовно растил и воспитывал кадры новаторов, стахановцев, советских интеллигентов.

...Один из последних залов... Здесь экспонируются многочисленные высказывания Михаила Ивановича Калинина по вопросам воспитания советской молодежи, народа, борьбы с пережитками капитализма в сознании людей. Его мудрые советы и указания составляют поистине неоценимую энциклопедию, пользование которой насущно необходимо каждому советскому человеку.

Он был строгим и взыскательным воспитателем. Он неустанно требовал от советских людей, чтобы они овладевали сокровищницей марксистско-ленинского учения. В своей памятной речи на совещании учителей-отличников 28 декабря 1938 года Михаил Иванович предостерегал против буквоедства, начетничества и догматизма, резко обрушивался на тех, кто думает, что овладеть марксизмом-ленинизмом — значит заучить готовые формулировки и выводы этой теории.

«Изучение марксизма-ленинизма нужно не ради самого изучения, не для проформы. Мы изучаем марксизм-ленинизм не для того, чтобы знать его формально, как раньше изучали катехизис. Мы изучаем марксизм-ленинизм, как метод, как инструмент, при помощи которого мы правильно определяем наше политическое, общественное и личное поведение. Мы считаем, что это — самое могущественное орудие человека в его практической жизни».

На протяжении всей своей жизни Михаил Иванович уделял большое внимание вопросам народного образования, школе, молодежи, комсомолу. К 20-летнему юбилею ВЛКСМ М. И. Калинин создал исторический очерк — «Славный путь комсомола». Эта работа Михаила Ивановича должна быть настольной книгой каждого советского молодого человека.

...Перед нами множество документов, относящихся к деятельности председателя Президиума Верховного Совета СССР в годы Великой Отечественной войны. Будучи уже тяжело больным, Михаил Иванович продолжает вести колоссальную партийную, государственную работу, отдавая все свои силы, весь свой неистощимый революционный талант делу победы советского народа над фашистскими ордами.

Он непрерывно посещал заводы, колхозы, части Советской Армии, выступал по радио, писал статьи для газет и журналов. За время войны Михаил Иванович опубликовал свыше ста статей. За это время вышло свыше 30 брошюр и сборников с его статьями и выступлениями. В музее экспонированы важнейшие книги Михаила Ивановича Калинина, выпущенные в годы Великой Отечественной войны: «Товарищ Сталин об Отечественной войне», «Ленин о защите социалистического Отечества», «Могущество советского государства», «Боевой помощник большевистской партии», «О моральном облике нашего народа», «Все для фронта! Все для победы!», «Слово агитатора на фронте» и другие. Доходчивое мудрое слово Михаила Ивановича разжигало пламя веры в победу, множило силы трудящихся в тылу, воинов на фронте. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, выставленные в музее.

И, наконец, последняя брошюра Михаила Ивановича — «О переходе на мирную работу». В ней он выражает уверенность, что народы Советского Союза в наступающей пятилетке не только залечат раны войны, но еще больше укрепят могущество своей Отчизны.

...Письмо Михаила Ивановича к избирателям Ленинградского городского избирательного округа, написанное 5 февраля 1946 года. Это — последнее обращение председателя Президиума Верховного Совета к народу. Оно заканчивается замечательными словами:

«...разрешите, товарищи, сказать, что я как член партии, — а нашу партию олицетворяет товарищ Сталин, ибо партия и товарищ Сталин едины суть, — помогал партии и в будущем буду служить своей партии всеми силами, какие только есть у меня».

Двадцать семь лет Михаил Иванович бессменно стоял во главе верховного органа советского государства. С 1919 года он постоянно избирался членом ЦК ВКП(б), а с 1926 года — членом Политбюро ЦК ВКП(б). Он отдал всю свою энергию, весь свой изумительный талант пропагандиста и государственного деятеля делу укрепления и расцвета первого в мире социалистического государства.

Особое место в экспозиции музея занимает коллекция подарков, поступивших на имя М. И. Калинина за четверть века. Эта коллекция — убедительное доказательство огромной популярности и любви, которой пользовался Михаил Иванович у трудящихся нашей страны и всего мира.

...3 июня 1946 года. Наша партия, наш народ понесли непоправимую, тяжелую утрату. Умер выдающийся деятель нашей партии и советского народа, друг и соратник Ленина и Сталина — Михаил Иванович Калинин.

Траурный зал музея. На плите темно-красного гранита высечено извещение ЦК ВКП(б), Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета Союза ССР о смерти Михаила Ивановича Калинина. На огромном фото-панно — почетный караул — товарищ Сталин, товарищи Молотов, Маленков, Берия, Каганович, Жданов стоят у гроба. На другом фото — нескончаемый поток трудящихся Москвы, пришедших отдать последний долг дорогому и горячо любимому Михаилу Ивановичу.

Вот слова Михаила Ивановича, которые подводят итог большого и славного жизненного пути этого мудрого, простого и скромного человека: «Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

1222 издания трудов М. И. Калинина, распространенные в 55 миллионах экземпляров, изданные на 74 языках, — это поистине величественные цифры.

Невозможно в газетной статье рассказать и сотой доли того, что переживаешь, чувствуешь, проходя по залам музея.

Советские люди будут приходить сюда с чувством великой любви и признательности к человеку, отдавшему всю свою жизнь на благо народа, к верному сподвижнику гениальных вождей советского народа — Ленина и Сталина.

Встреча с корейскими друзьями

Н. ГРИБАЧЕВ

Среди американских политиканов всех рангов — от мистера Остина до Ачесона и их подголосков — в большом ходу глупейшая сказка Геббельса о «железном занавесе», за которым якобы живут народы демократических стран.

Примерно в то время, когда американский дипломат мистер Остин на сессии Генеральной Ассамблеи ООН обвинял советских людей в нежелании обмениваться богатствами культуры с соседями, самолет с делегацией деятелей советской культуры приземлился на аэродроме в Пхеньяне.

А сегодня Москва принимает на лучших своих сценах артистов Корейской народно-демократической республики, концерты которых пользуются неизменным успехом у советской публики.

Таковы факты, так опровергается — фактами, делом — клевета заокеанских лжедрузей культуры.

В большой и красочной программе концертов раскрывается богатейший источник художественного таланта корейского народа. Зрители тепло приветствуют выступления солистов Пхеньянского художественного театра Ю Ун Ген, Ли Ген Паль, Ким Ван У, чудесные танцы известной корейской балерины Цой Сын Хи и лауреатов конкурсов на всемирных фестивалях демократической молодежи в Праге и Будапеште Ан Сын Хи и Ким Пек Пон, горячо аплодируют хору, симфоническому оркестру, ансамблю старинных народных инструментов, танцовальному ансамблю.

И мне снова отчетливо припомнились наша поездка в Корею и клеветнические выпады мистера Остина, рассчитанные, как видно, на то, чтобы отвлечь внимание общественного мнения от факта идеологической экспансии американского империализма в чужие страны с целью разложения и удушения их национальной культуры.

Путешествуя по Корее от северных ее границ до 38-й параллели, выступая с концертами, лекциями, докладами в центрах провинций и в крупных городах, разговаривая с людьми, мы неизбежно приходили к выводам, весьма нелестным для так называемой «американской демократии».

Известно, что Корея была освобождена от японских оккупантов советскими войсками. Известно также, что американцы сделали все возможное, чтобы политически и экономически расчленить Корею, превратить южную часть страны в военно-стратегический плацдарм на Дальнем Востоке, в бесправную колонию Уолл-стрита. Даже тогда, когда, вопреки усилиям американцев, весь корейский народ — на севере и на юге — единодушно избрал общенациональное Народное демократическое правительство Кореи, когда ушли из Северной Кореи советские войска, полностью передав управление самим корейцам, американские войска все-таки не покинули оккупированную ими Южную Корею и продолжают оставаться там по сей день.

Американская «культура» в Южной Корее представлена джазами, играющими в кабаках, да голливудской киностряпней, являющейся наглядным пособием для обучения убийц и гангстеров. Единственный корейский театр в Сеуле влачит жалкое, нищенское существование, и лучшие артисты бегут из Южной Кореи в Северную, отчаявшись найти применение своим талантам. Балерина Цой Сын Хи была в Сеуле и, не желая выступать в кабаках на потеху американской военщине, сбежала оттуда. Вместе со своей дочерью Ан Сын Хи она проделала опасное путешествие ночью по морю, спасаясь от «внимания» американских покровителей искусства.

Корейского искусства в его современных формах не существовало еще четыре года назад. То, что сделано здесь за этот короткий срок, вызывает глубочайшее уважение к таланту корейского народа. Мы совершили поездки по всем провинциям Северной Кореи и крупнейшим городам и всюду видели вновь созданные драматические театры, хоры, музыкальные коллективы, широчайший расцвет художественной самодеятельности.

Рабочие крупнейшего химического комбината в Канко создали драматический кружок. Приехав выступать в концерте, мы застали на сцене рабочего клуба декорации к пьесе А. Корнейчука «Платон Кречет». Сцены из этой же пьесы мы смотрели в театре города Канге — в глухом горном районе. Театр создан здесь совсем недавно, менее года, а пьеса поставлена хорошо. Откуда взялись артисты? Они все местные. Мать Кречета играла молодая артистка Ким Чан Ок так просто и задушевно, что не посрамила бы и столичной сцены.

Из Канге мы поехали в Синпиню — большой город на границе с Маньчжурией. Почти сутки езды в поезде. На каждой станции, где поезд стоял более пяти минут, устраивались встречи и митинги. На каждой такой станции перед нами выступали самодеятельные коллективы молодежи. В Чондзю нам показали оригинальный «Танец советско-корейской дружбы». Подобный танец исполняется повсюду в Северной Корее.

В Северной Корее из искусств наиболее распространены песенное и танцовальное. В огромном ходу наши советские песни, переведенные на корейский язык. Значит, советские песни хорошо отражают думы и чаяния народные.

Национальный корейский балет долго оставался реакционным, отражая придворные церемонии и жизнь аристократии. Программа национальной студии в Пхеньяне, которой руководит Цой Сын Хи, претерпела очень серьезные изменения в сторону демократизации балета, и танец от этого основательно выиграл. Уныние и однообразная аристократическая церемонность придворного танца сменились огнем и многокрасочностью танца «Крестьянский праздник» из балета «Песнь освобождения», изумительной пластичностью и выразительностью сольного танца «Сквозь бурю», великолепным лирическим народным мотивом в танце «Девушка и крестьянин», за который Ким Пек Пон и Ан Сын Хи удостоены звания лауреатов конкурсов на всемирных фестивалях демократической молодежи и т. д. Все эти танцы и многие другие с успехом показывают сейчас корейские артисты советскому зрителю.

Естественным средоточием искусства Северной Кореи стал Пхеньян. Здесь созданы большой симфонический оркестр, драматический театр, опера, балет, балетная студия, музыкальное училище. И опять-таки во всем решительно ощущается мощное и плодотворное влияние передового советского искусства. Оркестр исполняет большое количество произведений русских и советских композиторов. В театре, наряду с первыми новыми пьесами корейских драматургов, ставятся пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет», А. Сурова «Зеленая улица» и другие.

Месяц пребывания советской делегации деятелей культуры и искусства в Корее был месяцем напряженнейшей, каждодневной и разнообразной работы, преследовавшей цель — помочь искусству и литературе Кореи. Загородная дача, где мы жили, превратилась в класс рояля и скрипки с нормированным учебным днем. Люди искренне, страстно, самозабвенно хотели учиться.

Перед отъездом делегацию принял глава единого народно-демократического правительства Кореи Ким Ир Сен. Этот обаятельно простой человек и мудрый государственный деятель настойчиво спрашивал: что необходимо сделать для дальнейшего роста искусства и литературы? Его интересовали не похвалы достижениям, а критика недостатков.

— Укажите недостатки и посоветуйте, как их исправить! — так сформулировал он назначение беседы.

В беседе выяснилось, что Ким Ир Сен знает не только многие ансамбли и самодеятельные коллективы в провинциях, но и отдельных исполнителей. Мы почувствовали, что при таком количестве талантов и таком руководстве корейскому искусству обеспечено быстрое развитие.

Перед самым отъездом мы узнали, что в Пхеньяне организована студия классического балета — того балета, о котором здесь не имели прежде представления. Желающих учиться с первого дня оказалось больше, чем вакантных мест.

Встреча с артистами Корейской народно-демократической республики в Москве воочию показывает, что корейское искусство сделало новый, значительный шаг вперед.

Так поднимается к жизни искусство освобожденного корейского народа. Так опровергаются фактами американские басни мистера Остина!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

ЗАКОННЫЙ ВОПРОС

1. Фактически этого
не может быть,
но юридически это возможно

Странная формула, не правда ли? Какое-то нелепое схоластическое утверждение. Ну кому, в самом деле, придет в голову юридически обусловливать то, чего не бывает и не может быть в действительности?

И тем не менее...

Можно ли представить себе, что сейчас, в 1950 году, у нас происходят такие фантастические вещи:

безработный просит сохранить за собой очередь на бирже труда

или

рабочий уходит с предприятия из-за того, что его оскорбил хозяин или член семьи хозяина

или

в газете появляется объявление об организации частного товарищества на паях или...

Впрочем, довольно! Этого даже нельзя себе представить. Это явный вздор. Этого давно уже не может быть в нашей стране. Фактически это совершенно невозможно, но юридически...

Попробуйте полистать кодексы законов, переизданные в 1948 году.

Черным по белому напечатаны в Кодексе законов о труде слова «безработный», «биржа труда», «частное предприятие» и все статьи, связанные с этими давно мертвыми для нас понятиями. В частности, параграфы предусматривают приведенные выше, невозможные у нас ситуации.

Все это происходит по простой причине. Гражданский кодекс и Кодекс законов о труде составлены в 1922 году, Уголовный кодекс — в 1926 году.

И вот по некоторым их статьям и параграфам до сих пор бродят бесплотные тени прошлого—кулаки, заводчики, частные скупщики и прочие привидения.

Статья пятая Гражданского кодекса говорит о праве частных граждан организовывать предприятия.

Несколько статей гласит о стихийном изменении рыночных цен, о товариществах на вере, на паях, с ограниченной ответственностью...

Конечно, статьи эти давно мертвы. Конечно, судьи не пользуются ими. Конечно, новые взаимоотношения регулируются новыми законодательными актами — указами правительства, ведомственными постановлениями и т. д.

Но кодекс остается кодексом. И отжившие статьи продолжают действовать. Вернее, бездействовать. Они засоряют наше самое живое и самое демократическое законодательство.

Неудивительно, что за 25 лет кодексы частично устарели. Удивительно то, что важная и ответственная работа по их пересмотру еще не закончена и что до сих пор они перепздаются в том же устаревшем виде.

Это неправильно и юридически и фактически!

Не слишком логично выглядят в наше время и некоторые расхождения республиканских кодексов. Разумеется, своеобразие условий жизни той или иной республики должно найти отражение и в кодексах этих республик.

Но почему минимальный срок лишения свободы в РСФСР один год, а в Грузии — менее месяца?

Почему в РСФСР девушка имеет право выйти замуж, начиная с восемнадцати лет, а в УССР — с шестнадцати?

Получается так: шестнадцатилетняя девушка, скажем, из Курска или Орла может спокойно сесть в поезд, доехать до Харькова и там совершенно законно выйти замуж.

То же с «давностью» долга. В РСФСР давность установлена в три года, в УССР — в один год. Это значит, что киевлянин, одолживший в Киеве некоторую сумму у проезжего москвича, при желании уже через год может считать себя свободным от всяких обязательств, в то время как москвич еще два года спустя будет спокойно ощущать себя обладателем одолженных денег.

Можно было бы продолжить список логически неоправданных расхождений между республиканскими кодексами.

Но стоит ли?

Ясно и так, что и в этой области многие статьи нуждаются в исправлении и уточнении.

Народность, справедливость и кристальная логическая ясность — типичные черты советских законов. Наши законоположения не могут допускать разнотолков и поводов для крючкотворства — это чуждо самому характеру нашей жизни.

2. А жизнь
идет вперед...

То, что вчера еще было новым, завтра может оказаться устаревшим. Жизнь идет вперед неуклонно и стремительно. И, конечно, никакое отставание от этого движения жизни не может быть признано простительным.

Плохо, что мертвые, отжившие статьи засоряют кодексы законов.

Но во много раз хуже то, что существуют статьи и параграфы, применение которых к новым явлениям жизни не только нелепо, но и может порой мешать живому делу.

Когда-то, в далекие дохозрасчетные времена, на заре развития нашей социалистической экономики, может быть, имел положительный смысл пункт закона, что лишь трест является юридическим лицом, а предприятия — завод или фабрика, входящие в трест, — могут действовать лишь по доверенности треста.

Но ведь жизнь идет вперед. Уже много лет предприятия сами отвечают за свои сделки. Уже давно трест не отвечает по долгам своих предприятий. Уже давно хозрасчет укрепился настолько, что предприятия стали полностью самостоятельными. Об их самостоятельности свидетельствуют такие патриотические начинания, как отказ от государственных дотаций, борьба за ускорение оборачиваемости оборотных средств, за выпуск сверхплановой продукции из сэкономленного сырья, и многие другие прекрасные дела, доказывающие, что сейчас именно предприятие — завод, фабрика, шахта — есть основное звено нашей промышленности.

Но основное звено, как это ни удивительно, до сих пор лишено юридических прав, оно не является юридическим лицом и вынуждено действовать по доверенности треста.

Что же, кроме волокиты, кроме ненужной сложности, может вызвать это устаревшее правило?

Или другой пример.

В свое время была издана инструкция, разрешающая освобождать от работы жену в связи с переводом мужа в другой район.

Ну, а если наоборот? Если переводят жену? Если не он, а она — радист в Арктике? Если именно она—военнослужащая—врач или инженер, а он—муж военнослужащей? Если она—директор железной дороги?.. Если она... Да надо ли перечислять профессии, когда каждая советская женщина имеет равные права с мужчиной? Жизнь ушла вперед, и только инструкция осталась где-то далеко позади со своей однобокой точкой зрения на права супругов.

И уже совершенно недопустимым анахронизмом является то, что в некоторых случаях кодекс не отражает существования у нас колхозного строя.

Такие конфликты, как взаимоотношения членов крестьянского двора, то-есть в наше время — отношения между членами семьи колхозника, регулируются судами по статьям и параграфам, предусматривающим конфликты крестьян-единоличников.

В старых земельных кодексах есть пункт о том, что член крестьянского двора в случае, если он ушел в город на заработки, сохраняет свои права в течение двух севооборотов. Как это понимать? Колхозник, уехавший в город на работу, остается членом колхоза в течение 16—18 лет, так, что ли?

Не те времена и не те севообороты! Раньше это была трехполка — три года, а сейчас севообороты, как известно, восьми-девятипольные...

Жизнь идет вперед. И во многих статьях кодексы далеко отстали от ее стремительного движения.

Советское законодательство по духу и существу своему — самое прогрессивное, самое живое, самое мобильное и близкое народу законодательство в мире. Чтобы ликвидировать отставание, успеть за прогрессивным движением нашей жизни, было издано много самостоятельных законов и инструкций, исправляющих устаревшие законоположения, приближающих их к современным требованиям.

Но новых кодексов, в целом, у нас нет более двадцати лет.

Мы прекрасно понимаем, что кодекс законов — это не еженедельник, и создание его требует длительного времени.

Мы знаем, что серьезная работа над новыми кодексами ведется уже давно. Очень давно.

И наступает момент, когда дальнейшая затяжка становится недопустимой.

Едва ли можно оправдать сложностью задачи или другими причинами то, что, скажем, комиссия по новому трудовому законодательству бездействует в течение двух лет.

Пришло время поставить перед Министерством юстиции СССР и соответствующими комиссиями простой и ясный вопрос:

когда же, наконец, будут готовы новые кодексы законов?..

Это вполне законный вопрос.

Василий ШУТОВ

Сквозь зону военного психоза

Недавно трудящиеся Новороссийска тепло встретили участников беспримерного в истории мореплавания перехода мелких и средних рыболовных судов вокруг Европы, вызвавшего дикий клеветнический вой английской буржуазной печати. Суда перегонялись из Балтийского в Черное море для укрепления азово-черноморского рыболовного флота. Навстречу балтийским посланцам в море вышел расцвеченный флагами и лозунгами сейнер «Академик Зернов». Под звуки оркестра, обмениваясь со встречающими приветственными гудками, суда прибывшей флотилии одно за другим вытянулись в гавани. На причалах порта состоялся торжественный митинг — встреча участников перехода с трудящимися города.

Мы публикуем сегодня статью потомственного рыболова-мурманчанина тов. В. Шутова, участвовавшего в этом рейсе в качестве помощника капитана грузового парохода «Тамбов».

Итак, наш рейс завершен. После тридцатидневного перехода по семи морям и Атлантическому океану, после жестокой борьбы со штормами мы ошвартовались, наконец, в Новороссийском порту.

Всякий, кому случалось хотя бы на короткое время покидать пределы нашей страны, знает, что на чужбине особенно остро ощущаешь чувство любви к Родине. Не передать словами, какую испытываешь радость, каким счастливым чувствуешь себя, когда после долгой разлуки делаешь первый шаг по родной советской земле.

Наш рейс был стахановским — так решил личный состав перегоняемых судов. Развернувшееся социалистическое соревнование в честь первой Сессии Верховного Совета СССР помогло нам сдержать слово, данное перед выходом из Калининграда. Сроки перехода были сокращены против плана на десять суток. Все суда приведены в Черное море без аварий. Сэкономлен не один десяток тонн горючего.

На пути нашем вставало немало препятствий. Но все они были преодолены. Скромные, трудолюбивые и смелые матросы показали себя в этом плавание пламенными советскими патриотами.

Прежде всего необходимо заметить, что в истории мореплавания это первый опыт одновременного перегона десятков рыболовных судов. Из масштабов перегона вытекала трудность заправки судов горючим, трудность переборки механизмов. Все это необходимо было производить на ходу, так как остановки в портах одновременно тридцати судов, их размещение, швартовка, а затем вывод из гавани, построение в колонну и т. п. неизбежно затянули бы рейс на много дней.

Нельзя забывать и о тоннаже судов. В составе каравана насчитывалось десять средних рыболовных тральщиков, остальные суда — сейнеры. Возникал вопрос: смогут ли они выдержать удары океанских волн в Атлантике, в печально знаменитом среди всех моряков мира своими штормами Бискайском заливе? Оказалось, что в умелых руках советских людей могут выдержать и выдержали.

Конечно, десятибалльный шторм, в который мы попали в Бискайском и Кадикском заливах, — не шутка для судов малого водоизмещения. И потрепало нас, надо сказать, крепко. Но бушующий океан с его огромными волнами, перекатывающимися через палубы низких рыболовных судов, не поколебал воли советских моряков. Все оставались на своих местах. Все действовали четко, согласованно и хладнокровно.

Через Гибралтарский пролив мы вошли в Средиземное море, которое встретило нас значительно ласковее, а затем через Дарданеллы и Босфор попали в наше родное советское Черное море, вырвались на чистый воздух советских просторов из удушливой атмосферы военного угара Запада.

Каждый хоть немного смыслящий в морском деле наблюдатель легко определил бы тип перегоняемых судов. Нельзя спутать грузовой пароход «Тамбов», служивший каравану базой горючего, с линкором, средний рыбачий траулер — с крейсером, а маленький сейнер — с подводной лодкой, так же, как нельзя спутать деревянную неводную площадку на корме сейнера с орудийной башней. И тем не менее нашлись клеветники и провокаторы, которые, вопреки здравому смыслу, попытались рейс рыболовных судов представить чуть ли не как военную операцию!

О том, что нас «удостоила вниманием» английская печать, мы узнали еще на рейде Фальмута. Поднявшись на борт «Тамбова», английский таможенный чиновник сказал как бы между прочим:

— А о вас пишет газета «Дейли мейл»...

Но отвечать на вопрос, что же именно пишет, он не стал.

Только в Гибралтаре, где мы брали горючее, нам попалась на глаза одна английская газетенка, не помню уже ее название. Ее принес нам агент по снабжению кораблей. Развернув смятый газетный лист, мы увидели набранный огромными буквами заголовок во всю страницу: «Что вы думаете об этом?» Под столь «выразительным» заголовком был помещен снимок «Тамбова», сделанный с воздуха, и несколько интервью с какими-то лордами, адмиралами в отставке и даже священниками.

Все эти интервью не блистали ни оригинальностью, ни свежестью мысли. Зато в них было более чем достаточно провокационных намеков и клеветнических домыслов. Не трудно было догадаться, с какой целью напечатаны эти высказывания. Они преследовали одну цель — смутить, напугать обывателей, возбудить общественное мнение Англии против Советского Союза, а заодно найти «оправдание» лихорадочной гонке вооружений.

Казалось бы, неудобно «владычице морей» выказывать столь явные признаки страха перед рыболовными судами. Но, повидимому, английская буржуазная пресса охотно поступается даже национальным самолюбием, когда ей представляется повод лишний раз возвести клевету на Советский Союз.

Провокациями занималась не только английская печать (ей к этому не привыкать), — провокациями на всем пути нашего следования по Ламаншу занимались и английские вооруженные силы.

Наши суда выходили из Калининграда тремя группами с некоторыми интервалами между ними. Встреча была назначена возле английского порта Фальмут. Здесь, у самого выхода в океан, суда должны были пополниться горючим и одной колонной выйти в Атлантику.

Еще в Северном море, на подходе к плавучему маяку Галлопер, возле судов первой группы появились два английских сторожевых корабля. Вели они себя в общем довольно спокойно, и мы, признаться, даже не обратили на них внимания. Плавают и плавают. Нас это не касается. Вскоре, однако, нами заинтересовался военный шлюп, затем возле острова Уайт — подводная лодка, долгое время плававшая рядом с нами сначала под перископом, а потом в надводном положении, и торпедный катер, который, осветив наши суда прожектором (дело было ночью), прошел два раза вдоль кильватерного строя туда и обратно.

Такая назойливость была мало понятной. Истинные цели этого «любопытства» нам открылись, однако, несколько позднее, когда мы подходили к Фальмуту. Здесь одну из групп встретили уже два эсминца. Один из них, вопреки принятым на море обычаям, не постеснялся даже самым хулиганским образом разрезать строй колонны, пройдя на полном ходу в четырех-пяти метрах от борта одного сейнера, ставя тем самым под угрозу жизнь его экипажа. Мы ясно видели, что с эсминца нас все время фотографировали. Этим же занимался во время бункеровки наших судов в Фальмуте и английский военный катер. Он сделал вокруг «Тамбова» по крайней мере пять кругов, снимая его со всех сторон. Английская морская разведка пополняла свои архивы фотографиями... советских рыболовных судов!

После того как мы снялись с внешнего рейда Фальмута, ветер резко усилился. Было решено укрыться на время в бухте Маунтбей за мысом Лизарт. Не успели мы еще бросить якоря, как в бухту явился авианосец в сопровождении эсминца. Замечу мимоходом, что тоннаж одного этого авианосца был в несколько раз больше тоннажа всех наших судов, вместе взятых. С авианосца взлетели истребители, которые начали «учения» буквально над нашими головами. Когда они убрались, появился самолет полуспортивного типа, с которого также принялись усердно фотографировать наши суда. Его сменили два пикирующих бомбардировщика. Эти вели себя уже совершенно нагло и явно провокационно: пикировали на сейнеры и тральщики, проносились над мачтами на бреющем полете, с ревом пролетали между судами над самой водой.

Когда мы стали сниматься с якоря, немедленно снялись с якоря и авианосец с эсминцем. Мы уже думали, что они убрались во-свояси, но выяснилось, что авианосец ждал нас у выхода из бухты. Тут же оказался почему-то и другой корабль — типа «Либерти», лежавший у нас по курсу в дрейфе. Мы только собрались его обогнуть, как вдруг «Либерти» внезапно дал ход и ушел вместе с авианосцем.

Наконец, возле марокканского берега, где мы укрывались от жестокого десятибалльного шторма, нас почтил вниманием четырехмоторный бомбардировщик «летающая крепость» с опознавательными знаками американских военно-воздушных сил. Не знаю, откуда он взлетел — с английского или африканского (с французского либо испанского) аэродрома. Во всяком случае ясно, что машина прилетела не из США. «Крепость» кружила над нами на малой высоте весьма долго, видимо, ей очень хотелось что-то высмотреть.

Но что могли высмотреть американские пилоты? И чего вообще желали добиться те и другие самолеты, катеры, эсминцы? Может быть, им хотелось узнать, чем мы занимались, проходя по Ламаншу?

Это не составляет тайны. На этот вопрос, если бы он был задан, мы могли бы тотчас ответить. Одни члены экипажа несли обычную службу. Другие, свободные от вахты, читали романы Горького, Толстого, Бальзака, Диккенса (все эти книги имелись в наших судовых библиотечках), слушали радиорепортаж из Москвы о футбольных матчах, устраивали шахматные турниры на первенство своих судов и даже шахматные матчи между экипажами по радио, собирались по утрам на политинформации, где узнавали переданные по радио новости о жизни в советской стране, о международном положении.

Этим ли интересовались господа британцы? Или, может быть, им хотелось испугать нас так же, как они пытаются запугивать своих соотечественников? Наверно, хотелось. Но не вышло. Провокационные демонстрации их военных кораблей и самолетов вызвали лишь презрение, а не страх. Этими неумными демонстрациями, направленными против маленьких рыболовных судов, они лишь опозорили свои вооруженные силы, флот, авиацию.

Напугать нас они не смогли, спровоцировать — также, отвлечь от порученного нам дела — тем более. Мы свое выполнили. И для нас лучшей наградой были слова рядового черноморского рыбака тов. Джевага, который на митинге в Новороссийском порту поблагодарил участников перегона за доставку пополнения для черноморского рыболовного флота и заверил собравшихся в том, что на этих прекрасных судах рыбаки Черноморья в ближайшее время увеличат лов рыбы.

НОВОРОССИЙСК, 22 июня. (По телеграфу).

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ВТОРОЕ ПИСЬМО ВРАЧА»

В № 31 «Литературной газеты» от 15 апреля с. г. была помещена статья О. Джигурды «Второе письмо врача» о плохой работе предприятий медицинской промышленности.

Исполняющий обязанности министра здравоохранения СССР тов. А. Шабанов сообщил редакции, что 19 мая с. г. коллегия министерства обсудила статью и признала высказанные в ней замечания справедливыми.

Автор, говорится в письме министерства, правильно указывает на неудовлетворительное качество шприцев, некоторых хирургических инструментов, отсутствие запасных частей к отдельным медицинским приборам и аппаратам, низкое качество резиновых изделий. Справедливы также замечания автора об отсутствии во многих аптеках отдельных видов санитарно-гигиенических изделий.

Жалобы на некачественность хирургического инструментария объясняются тем, что вследствие недостаточной гибкости товаропроводящей сети изделия выпуска прошлого и текущего года еще не поступили во все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устарелых образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Начальнику Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Е. КОВАЛЬЧИК

Естественно было бы ожидать, что обсуждение на XIII пленуме правления Союза писателей вопросов литературной критики должно было поднять уровень критики.

Безусловно, некоторое оживление произошло, но говорить о серьезном переломе все еще не приходится. А некоторые факты подтверждают, что еще делаются попытки возродить давно разбитые и, казалось, похороненные теории.

Такой смысл имеет статья А. Белика «О некоторых ошибках в литературоведении», опубликованная в журнале «Октябрь» (№ 2, 1950 г.) уже после пленума и представляющая собою явление, нетерпимое для нашей печати. Вреднейший характер этой статьи, вульгаризирующей вопрос о социалистическом реализме, о роли классического наследства, был до конца вскрыт в статьях газет «Правда», «Культура и жизнь», «Литературная газета».

Неверно считать, что А. Белик — типическое явление для современной критики. Нет, это исключение, пример до крайности однозный, даже противоестественный. Но нельзя не видеть, что некоторые из установок Белика еще встречаются порой и в других критических выступлениях.

Уже не раз критиковались статьи М. Шкерина, опубликованные в журнале «Октябрь», проникнутые духом вульгаризаторства и литературной групповщины.

Отрицательной оценки заслуживает выступление В. Бутусова в журнале «Октябрь» (№ 3). Вышло в свет академическое собрание сочинений А. С. Пушкина. Это — большое событие в развитии нашей культуры. Однако оно вызвало у В. Бутусова одни лишь нравоучительные упреки и заушательские выпады.

Другой пример — статья Евг. Брандиса «Растворение в обожествленном космосе...», опубликованная в журнале «Звезда» (№ 3). Статья эта опошляет ответственную задачу борьбы с космополитизмом.

Свалив в одну кучу учебные пособия и программы по зарубежной литературе разных лет издания, Е. Брандис именует все это не иначе, как «опусы», «псевдонаучная стряпня». Читателям навязывается представление, что дело преподавания зарубежной литературы у нас поставлено прямо-таки безнадежно плохо. А ведь только в нашей стране дается настоящее, правильное толкование зарубежной литературы. Е. Брандис в категорической форме упрекает всех авторов в космополитизме, но обвинения эти во многих случаях остаются без каких-либо доказательств.

Подобного рода факты нетерпимы. Мы обязаны до конца изжить в критике отвратительный дух сектантства.

**
*

За последнее время появился ряд ценных, содержательных статей. Интересна статья Ю. Жукова «Яд космополитизма», опубликованная в «Новом мире» (№ 3). От многих других статей, разоблачавших растленную буржуазную культуру, она отличается серьезными достоинствами. Главное — это умение автора убедительно вскрыть политическое значение космополитической идеологии в современных условиях. Ю. Жуков обнажает самые корни космополитической идеологии, связь сартров с долларовой политикой США.

Фронт борьбы с глубоко враждебной нам космополитической идеологией должен быть расширен и углублен в литературной критике. Эта борьба — не кратковременная кампания, а одна из сторон общей борьбы за мир и демократию, против поджигателей новых войн. Следует сказать, что критика наша еще недостаточно мобилизовалась на борьбу за мир.

Улучшилось освещение литературы стран народной демократии. В решении этой политически важной темы впереди идет журнал «Знамя». Здесь чаще, чем в других журналах, можно встретить статьи о литературах стран народной демократии. О польской современной прозе написал П. Зиблов, о болгарском поэте Ванцарове — Л. Фейгельман. Хочется отметить содержательную статью Е. Книпович о романах чешской писательницы Марии Пуймановой («Знамя», № 5).

И все же в освещении проблем развития литератур стран народной демократии сделано пока еще очень мало. Литература этих стран нуждается в более пристальном внимании.

Положительно надо оценить предпринятый критиками пересмотр некоторых прежних литературных авторитетов. В «Новом мире» (№ 1) такое значение имела статья В. Важдаева «Проповедник космополитизма», убедительно доказавшая чуждость идейных и творческих позиций А. Грина, вскрывшая эстетские заблуждения К. Паустовского, М. Слонимского, Л. Борисова, которые превозносили А. Грина.

Более обширную задачу поставил перед собой Ан. Тарасенков, выступивший в журнале «Знамя» со статьей «О национальных традициях и буржуазном космополитизме» (№ 1, 1950 г.). Автор стремится конкретно разобраться в том, что такое национальная традиция в настоящем своем значении и что из культуры прошлого неприемлемо для современности. Первая часть статьи Ан. Тарасенкова читается с интересом, значительна по содержанию, но вторая часть — о конкретных проявлениях враждебных тенденций во многом мельчит тему, сводит ее к отдельным немногим и вдобавок не всегда достаточно убедительным примерам.

Боевой, наступательный тон отличает статью Б. Соловьева «О новаторстве и традициях» («Знамя», № 3), ставящую некоторые вопросы теории в связи с творческой практикой. Положительна общая заостренность статьи против проявлений формалистических тенденций. Но ряд примеров, приведенных в статье Б. Соловьева,—о И. Сельвинском, переоценившем стихи Л. Озерова, о П. Антокольском и его суждении о поэме С. Кирсанова «Небо над Родиной» и др. — уже давно критически оценены писательской общественностью, и вряд ли стоило снова к ним возвращаться. Самая интересная и наиболее самостоятельная часть этой работы Б. Соловьева начинается с главы «О стихе «классическом» и «вольном». Убедительно показано автором, что так называемый «классический» стих существует в современной поэзии не в старом своем состоянии. Он непрерывно развивается, и это развитие обусловлено его новым содержанием.

Положительной оценки заслуживают и некоторые статьи последнего времени, посвященные анализу творчества наших писателей. Глубоко, с убедительными сопоставлениями и выводами пишет З. Кедрина о новой поэме А. Яшина «Алена Фомина» («Знамя», № 3). В публицистическом плане показала А. Лаврентьева-Кривошеева достоинства романа Г. Медынского «Марья», молодой критик В. Котов верно оценил последние стихи Е. Долматовского («Знамя»).

**
*

Некоторые писатели склонны третировать нашу литературную критику вместо делового рассмотрения ее успехов и недостатков. Такое отношение не на пользу всей литературе, да оно и не основывается на действительном положении. Как и в других жанрах литературы, здесь надо различать, что хорошо, что плохо, оценивать каждое выступление вполне конкретно, а не «вообще». При таком конкретном подходе скорее прояснится и вопрос о причинах отставания критики.

Одной из причин отставания литературной критики является ее невысокий идейно-теоретический уровень.

Это сказывается, в частности, в том, что у нас мало обобщающих, проблемных статей, многие вопросы конкретного развития жанров литературы, ее своеобразия почти не разработаны. Большинство публикуемых рецензий свидетельствует о высокой культуре советской библиографии. Большое значение для подъема библиографии имело известное постановление ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» 1940 года. Наша библиография обращена к широким слоям читателей, она просветительна в самом лучшем смысле этого слова, дает ясное и содержательное представление о книге. Если бы к тому же наша библиография охватывала большее количество явлений, эта работа могла бы считаться удовлетворительной.

Значительно хуже обстоит дело со статьями обобщающими, проблемными. Хотя у нас и делаются попытки писать обзоры литературы, однако до сих пор они не удавались.

В журналах этого года публиковались статьи-обзоры. Это прежде всего статья Б. Платонова «Литературное обозрение» («Звезда», №№ 1 и 2). Б. Платонов анализирует десять романов и повестей 1949 года. О некоторых из них говорится интересно. Показаны слабости в творческих позициях В. Каверина (1-я часть романа «Открытая книга»). Проанализированы положительные стороны романа А. Коптяевой «Иван Иванович», много верного сказано о «Повести о детстве» Ф. Гладкова, о «Весне на Одере» Э. Казакевича.

И все же «Литературное обозрение» Б. Платонова, как ни стремился автор к обобщениям, выводам, представляет собой цепь рецензий, а не обзор. Платонову больше удались те страницы, где он анализирует отдельные произведения. Там же, где автор пытается обобщить явления, немало нелепостей, вроде пресловутого зайца из романа С. Бабаевского, о котором писала «Правда» в заметке «Из последней почты». Вначале автор выспренно говорит о советской литературе. «Какое богатство тем, идей! Сколько имен!.. Как сказочный богатырь, она растет и развивается не по дням, а по часам!».. Нарисована такая идиллия, столько в запасе у автора умиления, что говорить о его заботе о развитии литературы уже не приходится. А сразу после этого панегирика Б. Платонов бездоказательно заявляет, будто наш книжный рынок заполнен всякого рода макулатурой, к которой якобы относятся терпимо и издатели, и писатели, и критики.

В статье Б. Платонова нет стержня, принципа, руководящего идейного начала.

Другой пример — статья Сергея Иванова «Лучшие произведения художественной прозы 1949 года» («Октябрь», № 4). Напрасно было бы искать в статье С. Иванова хоть какой-то искорки, хоть малейшего воодушевления, заинтересованности. Одинаково скучным, равнодушным слогом он пишет о разных произведениях. Вряд ли есть нужда печатать подобные уныло-равнодушные обозрения.

Неудача с обзорными статьями свидетельствует не только о слабости идейно-теоретического уровня критиков, но и о плохом знании нами реальной жизни. В большинстве случаев круг наблюдений критиков узок, с действительностью мы знакомимся, главным образом, по книгам.

Статья Ан. Волкова «Воспитание героя» («Знамя», № 2) — несомненно ценная статья, ясная по мысли, доказательствам. В центре внимания критика — характер изображенного писателем конфликта: борьба Кондратьева за Сергея Тутаринова. Конфликт этот берется критиком в его политическом и психологическом содержании: как партия помогает расти людям, освобождаться от пережитков прошлого.

У критика много справедливых замечаний. И в то же время нельзя не заметить, что Ан. Волков оставил без внимания жизненное, практическое выражение конфликта, которое как раз составляет силу этого романа. Он почти не дает никакой оценки тому, как заблуждения Тутаринова сказались на самой практике жизни, на судьбе руководимых им людей. Ан. Волков обходит важный жизненный момент, хорошо показанный в романе,— критику снизу, осуществляемую народом. Вообще тема народа оказывается в статье забытой, между тем, в романе, в соответствии с самой действительностью, она имеет важнейшее значение. Видимо это получилось потому, что критик сам недостаточно знает действительность.

Еще хуже обстоит дело с анализом этого романа С. Бабаевского в упоминавшемся уже «Литературном обозрении» Б. Платонова. Хотя основным для критика является развенчание романтики и утверждение действительности, но никакого существенного содержания Б. Платонов в понятие действительности не вкладывает.

Ход рассуждений критика таков: в романе «Кавалер Золотой Звезды» Сергей Тутаринов был не романтическим героем, а реалистическим. В романе «Свет над землей» Сергей Тутаринов стал романтиком, «начинает романтизировать жизнь», «отрывается от жизни». Б. Платонов видит заслугу С. Бабаевского в том, что он показывает «романтизм Сергея», как «не типическую в нем черту», а «лишь этапом на пути индивидуального роста Сергея», и делает вывод, что писатель не за романтику. Рассуждения Б. Платонова узко-литературные, книжные, не обогащенные опытом жизни. Свести все дело к выяснению пользы или вреда романтики, как это сделал Б. Платонов, это значит навязать писателю не свойственное ему пристрастие к узко литературным спорам и забыть о жизненном содержании произведения.

Самый распространенный в критике способ завуалировать свое незнание жизни — это способ так называемых обобщений, когда все конкретное, своеобразное, что отражено в произведении, нейтрализуется, возводится в план общих рассуждений на тему борьбы нового со старым, моральных качеств советского человека вообще и т. п. Примеров здесь — великое множество.

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

Л. ОШАНИН

НАРОД НЕПОБЕДИМ!

Перед нами усталая и замученная женщина, но ее лицо освещено внутренним светом, волей к борьбе. Это бежавшая из фашистского концлагеря коммунистка Ганна Лихта. Она бежит по лесу, прячется за толстыми стволами деревьев, она смертельно устала, но остановиться нельзя. Ганна Лихта спасает не только свою жизнь — ее ждет борьба, ее ждет народ, который не хочет жить под фашистским игом. Собрав последние силы, она переплывает реку и уходит от своих преследователей. Двери крестьянского дома открываются перед ней. Ее прячут от ворвавшихся в деревню фашистов и помогают добраться до партизанского отряда, где сражается хозяин этого дома, Коста Варра.

О ней говорят:

— Везде, везде, где сражались за свободу, там была Ганна Лихта. В Испании, в Чехословакии, в подполье. И недаром наши люди прозвали ее «совесть народа!»

Это наша первая встреча с Ганной Лихта. А затем с ней, с матерью, потерявшей двух детей в борьбе за свободу, мы встречаемся уже после победы над фашизмом, на открытии памятника советским воинам-освободителям. Теперь она — заместитель премьер-министра в новом правительстве народно-демократической республики.

Это только начало фильма «Заговор обреченных», фильма, посвященного борьбе за укрепление народной власти, борьбе за мир и свободу против поджигателей войны, против черных атомщиков Уолл-стрита, старающихся опутать нитями заговоров все страны света. «Заговор обреченных» — картина о пути страны народной демократии, о ее нерушимой дружбе с знаменосцем мира — Советским Союзом, о росте смелых и сильных людей из народа, разоблачающих предателей и твердо верящих в свою победу и побеждающих.

Образ Ганны Лихта — центральный образ фильма — одна из главных удач создателей картины. Много любви и тепла вложили в этот образ драматург Н. Вирта и режиссер М. Калатозов, с большим мастерством и вдохновением сыграла свою роль артистка московского Театра транспорта Л. Скопина. Актриса нашла естественные и нужные краски. От первого до последнего кадра мы горячо верим Ганне.

Вот Ганна Лихта выступает на митинге в честь открытия памятника советским воинам — ее глубокий, чистый голос звучит неподдельной верой и силой. Вот она произносит в парламенте страстную, разоблачительную речь, раскрывающую сущность «плана Маршалла», — и каждая интонация и жест убеждают нас в правоте этой женщины-трибуна и борца, народной героини. Твердо и жестко звучат ее слова, когда после болезни она собирает членов правительства, тех самых министров, которые, обманывая народ, готовят заговор против своей родины. Материнская боль и любовь к своим погибшим сыновьям прекрасно переданы актрисой в сцене с Магдой.

Ганна Лихта в исполнении Л. Скопиной — живой, вдохновенный человек. Это народный вождь, напоминающий облик Долорес Ибаррури, государственный деятель, напоминающий облик Анны Паукер. Поэтому так люто ненавидят Ганну американский посланник Мак-Хилл, предатели народа — Гуго Вастис, Христина Падера и им подобные. Поэтому Ганна Лихта возбуждает открытую и большую любовь своего народа, и эту любовь разделяют зрители.

Рядом с Ганной Лихта живут и борются ее друзья Николо Словено (В. Аксенов), журналист Макс Вента (П. Кадочников), крестьянин Коста Варра (Б. Ситко), лидер левых социал-демократов Марк Пино (В. Дружников). Все они — честные представители своего народа, хотя и разными путями приходят к пониманию своего места в борьбе. Если для коммунистов Словено и Вента борьба за социализм и демократию — их единственная и давно избранная цель, если для представителя земледельческой партии фермера Косты Варра приход к этой борьбе продиктован всей его жизнью, то для социал-демократа Марка Пино он связан с тяжелыми раздумьями, с разрывом со своим отцом — лидером правых социал-демократов, социал-предателем Иохимом Пино.

Эти люди вместе с большинством народа представляют в фильме лагерь мира и демократии. В «Заговоре обреченных» ярко показан и другой лагерь — лагерь поджигателей войны, лагерь предателей своего народа и своей родины. Это, прежде всего, главный вдохновитель и дирижер заговора — американский посланник Мак-Хилл (М. Штраух), крупный промышленник, лидер партии католиков Гуго Вастис (В. Марута), лицемерный и велеречивый кардинал Бирич (А. Вертинский), бывший гестаповец Куртов (О. Жаков), американская журналистка Кира Рейчел (В. Серова), генерал Бравура (Р. Плятт), монах и шпион Ясса (П. Бобров), социал-предатель Иохим Пино, блестяще сыгранный И. Судаковым, и, наконец, лидер партии националистов Христина Падера в исполнении С. Пилявской. Здесь все грани и оттенки человеческой мерзости. Но это не маски и не схемы. Это глубоко реалистические образы. В исполнение большинства ролей вложено много труда и таланта.

Задача, которую поставил перед своими агентами американский посланник Мак-Хилл, — заставить измученный голодом народ принять «план Маршалла». И для выполнения этой задачи они не останавливаются ни перед какими средствами: организуется покушение на Ганну Лихта, приводится в действие вся католическая машина угроз и запугивания верующих людей, из страны пытаются увезти в Югославию хлеб с тем, чтобы потом этот же хлеб вернуть в республику в качестве «американской помощи», и т. д.

Но все эти попытки пособников империализма оказываются безрезультатными: «план Маршалла», несмотря на предательство правых социал-демократов, проваливается в парламенте, который принимает решение послать делегацию в Советский Союз для подписания пакта о дружбе и взаимопомощи. Тогда кучка человеконенавистников и предателей переходит к организации заговора и военного путча сначала на юге, а потом и во всей республике, подготовляется захват власти националистами и католиками.

Но силы мира и демократии разгадывают преступные планы предателей, военный путч сорван, Мак-Хилл должен в 24 часа покинуть страну, заговорщики арестованы. Это был заговор обреченных.

История последних лет подтвердила жизненность и правивость ситуации, положенной в основу фильма.

Я был в Венгрии незадолго до процесса Ласло Райка и его сообщников. Я видел венгерский народ и его непреклонную готовность к борьбе за мир и свободу. Все мы помним суд над предателем и шпионом Райком. Все мы помним процесс группы Трайчо Костова в Болгарии. Эти люди пролезали в правительство, иногда даже в коммунистическую партию, жили двойной жизнью, не брезгая самыми грязными методами борьбы и предательства. Народ подписал им смертный приговор.

Еще не высохла типографская краска газет, которые напечатали корреспонденции с суде над шпионами в Чехословакии. Заговор против народа, против республики был возглавлен там деятельницей бывшей партии народных социалистов Миладой Горраковой. Вся подрывная шпионская деятельность велась в тесном контакте и часто под непосредственным руководством дипломатических представителей западных стран, в том числе бывшего посла США в Праге Лоуренса Штейнгардта.

Я и мои товарищи, сидящие в зрительном зале на просмотре фильма «Заговор обреченных», никогда не видели Лоуренса Штейнгардта. Но он приобрел для нас плоть и кровь в образе Мак-Хилла. Мы никогда не видели Милады Горраковой, и народ Чехословакии избавил нас от возможности ее когда-нибудь увидеть. Но Христина Падера перед нами. Это змея в образе женщины. Христина Падера в изображении С. Пилявской — это не гротеск. В начале фильма в ней — министре продовольствия нового народно-демократического правительства — зритель еще не разгадывает подлинного ее существа. Она была в борющейся Испании. Она была в подполье, когда в стране хозяйничал фашизм. Она никогда не выступает против коммунистов. Но все нити заговора сходятся в маленьких руках госпожи Падера. Ближайший соратник Христины Падера — помощник министра продовольствия, бывший гестаповец Куртов — по ее приказу совершает покушение на Ганну Лихта. По ее приказу составляются списки честных и преданных народу людей, которых госпожа Христина Падера собирается расстрелять. Она перехитрила даже самого кардинала Бирича — ловкого и хитрого иезуита, наместника его святейшества папы римского. Доверенное лицо Бирича — монах и убийца Ясса — одновременно состоит на службе и получает жалованье у госпожи Падера. Министр продовольствия — она организует голод в стране. Такова госпожа Христина Падера, человек без сердца и без родины, для которого уже давно какие бы то ни было идеи заменены звоном доллара.

Еще более выразителен в фильме образ лидера правых социалистов, министра государственной безопасности, а затем председателя парламента господина Иохима Пино, созданный артистом И. Судаковым. Иохим Пино — лакей, прячущий свою лакейскую душу под благообразной внешностью и социалистической фразеологией. Говоря о своих «чистых идеалах» и называя себя «борцом за свободу», он на протяжении всего фильма двоедушествует и двурушничает. Гневно клеймя покушавшихся на Ганну Лихта, министр государственной безопасности, в сущности, помогает укрыться виновным. Обещая коммунистам поддержать их в парламенте при голосовании против принятия «плана Маршалла», господин Пино в последнюю минуту поднимает руку за этот план. При этом он продолжает заявлять, что защищает права народа на свободу и независимость. Наиболее яркая, пожалуй, сцена, — в которой господин Пино окончательно сбрасывает с себя маску социал-демократа. Сначала он в присутствии Мак-Хилла даже разрешает себе, как социалисту, поболтать о том, что не позволит иностранцам вмешиваться в дела своей страны. Но когда наглый американец приказывает ему замолчать, Пино начинает «деловой разговор», торгуясь о том, что он получит, если поддержит американцев.

Шаг за шагом разоблачая матерого социал-предателя Пино, Судаков создает верный психологический рисунок этого образа.

Кучка мелких себялюбцев и торговцев своей родиной разоблачена и нейтрализована. Их будут судить честным и правдивым судом народа, являющегося подлинным героем фильма.

Народ в фильме — не безликая масса, он живет и действует, он присутствует в картине непрерывно, его честный, смелый голос мы слышим в словах Ганны Лихта и Косты Варра, Макса Вента и Николо Словено, Марка Пино и Стебана. Именно в образе свободолюбивого, талантливого и смелого народа — основная удача фильма «Заговор обреченных». Когда в парламенте заговорщики пытаются протащить «план Маршалла», голос народа звучит не только в речах представителей лагеря мира и демократии. Он проникает с площади, сквозь окна и стены здания, под своды зала. После того как Иохим Пино не дает слова Косте Варра, Коста Варра выходит из зала и возвращается с делегацией народа. Председательствующий не в силах не дать им говорить.

На лозунгах и плакатах демонстрантов у здания парламента написано: «План Маршалла — наша смерть», «Мы хотим жить!», — и мы видим железнодорожников и лесорубов, металлистов и текстильщиков, мы видим матерей, катящих детские коляски. Вся улица заполнена ими. Тысячи женщин везут своих детей к парламенту. Дети должны жить и будут жить в свободной стране. Они должны быть и будут счастливыми.

Фильм заканчивается незабываемой сценой, когда депутаты парламента вместе с народом принимают письмо тому, кто освободил их землю и прислал им хлеб, — великому Сталину. Это письмо звучит, как клятва:

«Клянемся Сталину и советскому народу беречь свободу и независимость нашей страны...».

«Клянемся бороться за мир и свято хранить нашу дружбу с великим советским народом и странами народной демократии».

Вся площадь повторяет слово «клянемся».

Земледельцы поднимают вверх снопы и потрясают ими. Множество голубей мира взлетают над площадью.

Народы всех стран подписали свой бесповоротный приговор поджигателям войны. Народы хотят мира и счастья, свободы и независимости.

Волнующий, правдивый и талантливый фильм «Заговор обреченных» — значительный вклад советских художников в борьбу за дело мира.

Кадр из фильма «Заговор обреченных»

«Заговор обреченных» — цветной художественный фильм. Сценарий Н. Вирты, постановка М. Калатозова, главный оператор М. Магидсон. Художник И. Шпинель, композитор В. Шебалин. Производство «Мосфильм». 1950.

Второй с'езд писателей Татарии

Второй съезд татарских писателей собрался в знаменательные для Татарии дни, накануне тридцатилетия республики. К знаменательному юбилею писатели пришли с новыми достижениями.

В последние годы прозаики, поэты и драматурги Татарии создали значительные художественные полотна: романы «Честь» Г. Баширова, «Весенние ветры» К. Наджми, «Золотая Звезда» А. Абсалямова, «Дети нашего времени» Г. Губая, поэмы «В колхозе «Заря коммунизма» А. Давыдова, «По большой дороге» С. Баттала, «Путь славы» З. Нури, пьесы М. Амира, Т. Гиззата, А. Ахметова и другие. Но, как справедливо отметил в своем выступлении на съезде секретарь обкома ВКП(б) тов. Рахматуллин, татарская литература не удовлетворяет возросших запросов трудящихся республики.

Отчетный доклад правления ССП Татарии не дал серьезного анализа недостатков работы правления, не вскрыл их причин. Большинство участников в своих выступлениях стремилось ответить на вопросы: что тормозит поступательное движение татарской литературы, как преодолеть ее недостатки и слабости? Выступавшие А. Абсалямов, Г. Баширов, М. Амир, А. Давыдов и другие указывали на недостаточно глубокое изучение писателями богатой действительности, на узость тематики произведений. «Поднять новую тему, конечно, труднее, чем в тысячный раз написать о любви и соловьях, но мы не должны бояться трудностей», — сказал Г. Баширов. Созданию правдивых, новаторских произведений мешали, по словам Баширова, слабая связь татарских писателей с литературной жизнью всей страны, недостаточное использование опыта литератур других республик.

М. Амир привел показательный факт: за последние семь лет татарские драматурги написали около 130 пьес, а пригодными к постановке на сцене оказалось лишь 10—15.

В ряде выступлений и в докладе Г. Кашшафа были подняты вопросы художественного мастерства. Было отмечено, что критика еще плохо помогает писателям.

А. Файзи указал на абстрактность критических статей, на отрыв формы от содержания при анализе художественных произведений.

Критики не дали еще полноценных статей о творческом пути того или иного современного писателя, редко ставят проблемы эстетики. Нет заботы о воспитании новых критических кадров.

До сих пор неблагополучно в республике с изучением классического наследия. М. Максуд на конкретных примерах показал ошибки критиков, не давших правильной оценки творчества классиков.

На съезде отмечалось отставание детской литературы, пассивность редакции журнала «Совет эдебияты», слабая работа русской секции, которая была «насыпком» у прежнего правления, невнимательное отношение правления к молодым писателям. За последнее время ни один из них не был принят в члены Союза советских писателей.

Правление союза (и в особенности бывший председатель А. Еникеев) проявило равнодушие к судьбам литературы; оно пошло по пути семейственности, зажима критики, нарушения принципа коллегиальности. Съезд признал неудовлетворительной работу правления.

Избрано новое правление Союза писателей Татарии. Правление избрало председателем Г. Губая, заместителями председателя — М. Амира и А. Исхака и секретарем правления — С. Валиди. Редактором журнала «Совет эдебияты» утвержден Г. Кашшаф.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Вышел шестой — июньский — номер «Нового мира». Журнал привлечет внимание читателя тематическим и жанровым многообразием материала.

В номере шестом напечатано окончание первой книги романа Л. Кабо «За Днестром», повествующего о первых месяцах жизни заднестровской Молдавии после ее воссоединения с Советским Союзом. Произведение широко задумано, последующие книги должны охватывать период Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

Опубликована в журнале лирическая комедия А. Корнейчука «Калиновая роща».

Поэзия представлена новым стихотворением А. Твардовского «22 июня 1941 года» и циклом стихов Владимира Федорова «Белгород». Печатая одиннадцать стихотворений впервые выступающего на страницах большого журнала молодого поэта, «Новый мир» дает возможность по-настоящему познакомиться с ним и оценить несомненно свежий поэтический голос.

Наиболее интересными представляются нам стихотворения «Молодой театр» и «Первый шаг», рассказывающие о первых творческих поисках и первом успехе молодых актеров-комсомольцев и о приходе в класс молодой учительницы, а также стихотворения «Наша родословная» и «Улица юности» — вещь, название которой знаменательно для всего цикла.

Читатель, хорошо знающий статьи Юр. Королькова, корреспондента «Правды» в Германии, с интересом прочтет его записки «В Западной Германии», где на большом фактическом материале с публицистическим темпераментом разоблачаются англо-американские империалисты и их боннские прихвостни, превращающие Западную Германию в арсенал и плацдарм для новой войны. В отделе «На зарубежные темы» опубликована также статья Б. Быховского «Современный фидеизм», характеризующая человеконенавистническую сущность современных религиозных и «философских» оруженосцев Уолл-стрита.

В разделе «Литературная критика» напечатаны статьи Г. Ленобля «Советский читатель и художественная литература», М. Соловьева «Некоторые вопросы истории среднеазиатских литератур».

«Новый мир» рецензирует в «Книжном обозрении» не только художественную литературу, но и книги по истории, технике, праву, сельскому хозяйству, химии, археологии. Журнал печатает также библиографию книжных новинок. На этот раз в нем опубликована библиография новинок, выпущенных девятнадцатью издательствами.

Жаль, что журнал, упорно работающий над расширением жанрового многообразия, почти не печатает рассказов. За полгода был напечатан только один рассказ.

С. ЛЬВОВ

***

Во второй книжке альманаха «Дружба народов» привлекает внимание обширный раздел «Трибуна писателя», посвященный теме: «Маяковский и советская многонациональная поэзия». На страницах альманаха выступили четырнадцать видных поэтов советской страны; они рассказали о том, какую грандиозную роль сыграл и играет Маяковский в развитии национальной поэзии и в их творческой судьбе.

Ценный и живой материал! Перед читателем раскрывается значение великого поэта, примером своего творчества помогавшего поэтам братских республик достойно и верно служить народу, «класть в коммунову стройку слова-кирпичи».

Г. Леонидзе, говоря о наследии Маяковского, делится вместе с тем воспоминаниями о поэте. Содержательны заметки С. Муканова. Самед Вургун рассказывает о сложной борьбе в поэзии Азербайджана, о том, как Маяковский вел поэтов в цветущий сад советской действительности и, подобно садовнику, растил их. Ем. Буков пишет о взрывчатой силе стихов поэта, сыгравших большую роль в политической борьбе передовой молдавской молодежи.

Круг проблем, затронутых в разделе, широк. Расул Гамзатов и другие поэты ставят давно наболевшие и все еще не решенные вопросы переводческой работы. Инициативу редакции нельзя не приветствовать, хотя и не все высказывания равноценны. Слабее других заметка Р. Нигматы, недостаточно конкретна статья М. Миршакара. В целом же — отличный почин!

В альманахе помещена также повесть Павло Автомонова «Без межи». Тема ее — коллективизация в Галиции. Стихи А. Белевича, А. Кешокова, рассказы татарского писателя Амирхана Еникеева «Солнечное утро» и азербайджанского писателя Мир Джалала «Наша книга» дополняют литературный раздел. Хорошо, что «Дружба народов», в прямой укор толстым журналам, не пренебрегает рассказами, ищет их.

А. ДРОЗДОВ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

Вот рецензия Л. Скорино на роман А. Чаковского «У нас уже утро» («Новый мир», № 3). Прочитав эту рецензию, вряд ли захочешь познакомиться с романом Чаковского. Л. Скорино не выявила идейное и художественное своеобразие романа, не раскрыла его живое жизненное содержание.

Изучение явлений действительности должно сочетаться у критика с большой идейно-теоретической работой: мы должны учиться сопоставлять и сравнивать явления, уметь глубоко понимать ведущие черты нашей современности.

***

Народ и партия обязывают писателей повысить идейно-художественное качество произведений, требуют высокого мастерства. Как помогает этому литературная критика?

После статей партийной печати, осуждавших скороспелое и художественно несостоятельное выполнение писателями некоторых тем, наметился поворот в критике к вопросам формы.

Но необходимо отметить, что боязнь ставить эти темы еще не преодолена.

Еще очень часто критик, рассказав о теме, о содержании произведения, под конец переходит к форме и бросает стандартную фразу: «Однако не все удалось писателю...», — и начинается беглый разговор о том, что язык порой засорен, что такой-то образ не вполне ясен.

В этом проявляется разрыв формы и содержания, представление о форме как о чем-то внешнем.

Было бы неправильно приписывать этот упрек всей без исключения критике. Статья М. Бубеннова о романе В. Катаева являлась хорошим примером единства анализа содержания и формы. Можно указать также на лучшие статьи В. Ермилова, Е. Усиевич, В. Перцова и других. Но важно, чтобы анализ идейных особенностей произведения в неотрывной связи с анализом художественной формы давала вся наша критика.

Сводя эстетический анализ только к разговору об отдельных «недостатках», критика невольно обедняет представление о нашей литературе. Творческое своеобразие писателей стирается, непонятным становится, что, например, отличает одно произведение на колхозную тему от другого, какие новые стороны своего дарования развил и обнаружил тот или другой писатель.

Овладеть подлинным мастерством идейно-художественного анализа — одна из важнейших задач современной критики.

***

Надо создать такую атмосферу, когда труд критика был бы у нас окружен и вниманием и заботой. А это значит, что работа критика должна больше, чем это наблюдается сейчас, быть предметом обсуждения в печати, на собраниях.

Критика—участок сложный, требующий к себе постоянного внимания. Это можно показать на примере большого принципиального значения — на критической литературе о Маяковском.

За последнее время издан ряд новых книг о Маяковском. Это книги А. Колоскова, С. Трегуба, И. Масляна, статьи Е. Усиевич и др. В журналах публиковались статьи о Маяковском. В журнале «Знамя» напечатано 5 статей, журнал «Звезда» систематически помещает статьи о Маяковском. Следует отметить работы молодого критика Д. Молдавского, который взялся за изучение влияния Маяковского на литературу братских народов. Вся эта разнообразная и, по существу, коллективная работа полезна, нужна, и следует ожидать в ближайшем будущем новых исследований.

В критической литературе о Маяковском идет борьба разных тенденций. Вот перед нами работы, во многом противоборствующие. Это книга С. Трегуба «Живой с живыми» (1949 г.) и две статьи Е. Усиевич о Маяковском (в сборнике «Книги и жизнь» и в «Новом мире», № 4, 1950 г.), представляющие часть ее большого труда о Маяковском.

Новая книга С. Трегуба «Живой с живыми» отличается ясностью позиции. Она посвящена актуальнейшей теме — живому значению поэзии Маяковского для современности. Книга написана с темпераментом, боевым задором, и потому особенно важно понять, насколько правдиво и глубоко решает С. Трегуб свою ответственную задачу.

Книга проникнута чувством большой любви к Маяковскому. Но тем отчетливее бросается в глаза слабость исследовательской базы в книге. С. Трегуб непрерывно декларирует, провозглашает, агитирует, но ему часто не удается пойти вперед, быть новатором-исследователем, серьезно и обстоятельно аргументировать свои положения. Лишь в статье — «Поэтический памятник Ленину» — есть исследовательский пафос, и это самая сильная статья.

Но настоящий спор с С. Трегубом начинается там, где он с необыкновенной легкостью стремится оправдать футуризм. Говоря о декадентском сборнике «Пощечина общественному вкусу», С. Трегуб делает вывод: «Это была пропашка поэтической почвы, куда предстояло бросить семена зреющего революционного сознания». Метафора пышная, но глубоко неверная, направленная к оправданию футуризма.

Снимает С. Трегуб и противоречия в творческом пути Маяковского. Он пишет: «...Это не значит, что мы предлагаем рассматривать Маяковского с первых же шагов как сложившегося коммунистического поэта и не замечать заблуждений на его творческом, богатом исканиями, пути. Заблуждения, конечно, существовали». А затем объясняет, что то были ошибки, «свойственные молодости». А вслед за этим: «достойно удивления и восторга то мужество, с каким он преодолевал свои ошибки».

Вот уж поистине С. Трегуб идет здесь каким-то петляющим шагом. Есть, оказывается, заблуждения. Но они «свойственны молодости», социально-исторический момент тем самым снят. Но тогда фраза о мужестве, достойном удивления, остается только фразой, не более.

В книге С. Трегуба решается боевая тема — жизненной силы традиций Маяковского для современной поэзии. Прав С. Трегуб, когда он разоблачает чуждые влияния в нашей поэзии, как отступление от традиций Маяковского. Но замысел показать Маяковского «живым с живыми», выявить действенность его традиций решается в книге преимущественно в негативном плане — в плане разоблачения тенденций, чуждых традициям Маяковского. С. Трегуба интересуют, главным образом, отступления от традиций Маяковского.

Борясь с действительными отступлениями от традиций Маяковского (стихи С. Маркова, например), С. Трегуб не сумел показать себя критиком принципиальным, когда речь заходит о тех, кого он считает прямыми наследниками Маяковского, о Н. Асееве, например. Поэзия Асеева, большого мастера, у нас плохо изучена, нет серьезных статей о нем. Но С. Трегуб оказывает плохую услугу поэту, захваливая его слабые стихи.

В то же время критик говорит о многих поэтах недопустимым в нашей печати тоном, унижающим достоинство писателя. С. Трегуб прав в стремлении разрушить некоторые предубеждения. Его статья о С. Кирсанове так и озаглавлена — «Против предубежденности». Но почему же в таком случае надо создавать предубежденность в отношении, например, С. Щипачева, отказывая ему в праве на лирику раздумья, размышления; в отношении Я. Смелякова, представляя его читателям только слабыми сторонами дарования и замалчивая о сильных, и, наконец, в отношении М. Алигер, о положительном труде которой сказано очень и очень невнятно. Особенно нетерпимым является тон разговора критика о А. Яшине.

Недавно в «Литературной газете» была опубликована в порядке обсуждения статья С. Трегуба, озаглавленная «Ясности ради» (№ 48). Но, к сожалению, и эта статья ясна не во всех своих частях.

С. Трегуб спорит с теми критиками, которые неверно, искаженно рисуют творческий путь Маяковского, представляя поэта якобы неизменно раздираемым внутренними противоречиями, всюду видят прежде всего все эти противоречия и преувеличивают их. Осуждая эти ошибочные представления о Маяковском, С. Трегуб прав: пафос исследователя Маяковского должен быть направлен не на выискивание противоречий в творчестве Маяковского, а на исследование боевого революционного пути поэта, который рос, совершенствовался, став лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи.

Это победное движение, этот плодотворный путь, озаренный великими идеями коммунизма, — не только предмет изучения, но и благородный, действенный пример для подражания. Это основное положение статьи С. Трегуба правильно. Но определение творческого пути поэта, которое дано С. Трегубом, вызывает возражения.

Нет сомнения, «Маяковский ло революции был поэтом революционным». Выявить определяющее, главное, революционное в творчестве Маяковского—это значит на основе объективного научного изучения всех этапов всего творчества Маяковского показать, как последовательно крепло и мощно развивалось в нем это революционное начало. Однако, нельзя, как это делает С. Трегуб при анализе пути Маяковского, произвольно брать одно, другое отметать, о третьем умалчивать, пытаться искусственно представить поэта неизменным на всем протяжении его творческого пути. Это обедняет представление о развитии поэта и во многом мешает оценить все действенное влияние на него великих идей партии, все значение Великой Октябрьской социалистической революции для творчества В. Маяковского.

Таковы достоинства и недостатки работ С. Трегуба.

Е. Усиевич в статье «Заметки о поэтике Маяковского» берет на себя сложнейшую задачу разобраться в особенностях стиха поэта. Критик приводит слова М. И. Калинина о Маяковском: «Мне кажется, великолепным образцом служения советскому народу является Маяковский. Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведения принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений». Из этого определения Е. Усиевич берет, главным образом, последние слова, делая их ключом анализа. Поэтому все положения ее статьи,— касаются ли они теоретических высказываний Маяковского, стиха его и т. п.,— служат постоянно доказательством, что «ломка человеческих отношений» обусловила собою все черты, все качества поэзии Маяковского.

Е. Усиевич пишет: «Мы видим резкие контрасты его стихов, передающих великое и низменное, радостное и трагичное, надежды и отчаяние — все, чем насыщена жизнь революционной страны, притом не в отдельных пластах действительности, а в бурных столкновениях, временами в смешении, и всегда в стремлении побороть все чуждое социалистической революции».

«Шершавость, нарочитую затрудненность» некоторых стихов поэта критик определяет, как «способ выражения грубой, неприкрытой жизненной правды, нагой истины, в «эпоху ломки человеческих отношений».

Формуле «ломка человеческих отношений» придан всеобъемлющий смысл.

Но вольно или невольно, при столь настойчивом, повторении этой формулы ускользает позитивный смысл этой ломки, цель, во имя которой происходило преобразование, результат слома старых отношений. Подчеркиваются контрасты, противоречия — «великое и низменное, радостное и трагичное, надежды и отчаяние», а результат, победа не показаны по-настоящему. Противоречивость становится основным показателем силы Маяковского.

А если мы обратимся к статье Е. Усиевич «К вопросу об эстетике Маяковского», открывающей сборник «Книги и жизнь» (1949 г.), то увидим, что и тут главная тема — противоречия Маяковского.

В письме товарища Сталина к Демьяну Бедному замечательно сказано: «Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие».

Спор с тов. Усиевич—это спор не только о трактовке творческого пути Маяковского, а и спор о сущности положительного героя советской литературы, о методе нашей литературы и литературной критики — социалистическом реализме.

Е. Усиевич, выступая против облегченного, упрощенного понимания действительности, вне ее противоречий, вместе с тем в оценке произведений на первый план выдвигает не изображение писателем победы нового, социалистического, а «муки высвобождения» от прошлого. Так истолковывается, например, роман А. Малышкина «Люди из захолустья». Недостаток чувства нового сказывается и в статье о «Двух капитанах» В. Каверина. И это лишает Е. Усиевич возможности звать писателей к новому, поддерживать ростки нового, т. е. реально воплощать то, к чему обязывает критику метод социалистического реализма.

Два приведенных примера — работы С. Трегуба и Е. Усиевич о Маяковском — показывают, какой сложностью отличается фронт литературной критики, как необходимо здесь во многом разобраться, многое уяснить, как нужна здесь атмосфера товарищеской критики, помогающая людям итти вперед. К сожалению, этой атмосферы у нас еще явно недостает, а у некоторых критиков есть и некоторая предубежденность к обсуждению своей работы.

Советская литература находится на подъеме. Этот подъем будет тем значительнее, чем активнее и действеннее будет наша литературная критика.

Радостная улыбка озаряет лицо этого молодого рабочего: он собрал у своих товарищей — рабочих центральной электростанции в Сент-Уане (Франция) подписи под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. (Снимок из французской газеты «Юманите»).

◇ ◇ ◇

Миллионы голосуют за мир

ФРАНЦИЯ

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

«Сегодня, в 19 часов, весь экипаж рыболовного судна подписал воззвание Стокгольмской сессии сторонников мира», — этим сообщением начал свой репортаж с борта французского рыболовного судна «Ф. Т. П.», находящегося в открытом море и направляющегося к берегам Ирландии, специальный корреспондент газеты «Юманите» Жан-Пьер Шаброль.

Вот что рассказал он в корреспонденции, которая передавалась в Париж по радио:

«Море неспокойно, и рыбаки вынуждены бдительно следить за тем, чтобы сеть не зацепилась за какой-нибудь обломок потопленных во время войны кораблей.

И потому, что все, кто находится на борту судна, хорошо знают, что такое война, и потому, что они не хотят новой войны, Стокгольмское воззвание было подписано ими.

К нам присоединяются также экипажи других судов. В час передач они настраиваются на наши волны. Они слушают нас и в данный момент. Вчера, после передачи, они вызвали наше судно и разговаривали с нами о призыве Постоянного комитета. И в открытом море говорят о Стокгольмском воззвании!»

АРГЕНТИНА

ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА ПОДПИСЕЙ

Союз молодых патриотов собрал 50 тысяч подписей под Стокгольмским воззванием. Теперь аргентинская молодежь поставила перед собой новую задачу — собрать четверть миллиона подписей.

АНГЛИЯ

ДОЛОЙ АТОМНУЮ БОМБУ!

Демонстрация молодых сторонников мира в городе Данди (Шотландия). Молодежь несет плакаты, призывающие к борьбе против войны. «Нам нужны дома, а не бомбы» — гласит надпись на первом плакате. (Снимок из английского журнала «Чэллендж»).

«Будь проклят тот, кто выступает за войну против Советского Союза!

Долой атомную бомбу! Пусть она ржавеет, пусть гниет на складах там, где лежит. Мир для всего мира, ибо мир является нашей первой необходимостью», — эти гневные, взволнованные слова принадлежат видному ирландскому драматургу Шон О'Кэйси.

«Я считаю атомную бомбу, — пишет известная актриса Сибилла Торндайк,— символом глубокого неверия в хорошие качества человечества и думаю, что все мы в Англии должны заявить: «Запретите эту безбожную вещь! Мы верим в жизнь».

Тысячи писем сторонников мира, страстно и решительно требующих обуздания поджигателей войны, получают ежедневно Английский комитет сторонников мира и газета «Дейли уоркер».

Движение за мир в Англии ширится с каждым днем. К 21 июня петицию мира подписало около 600 тысяч человек. К открытию английской конференции в защиту мира, которая состоится в конце июля, намечено собрать два миллиона подписей.

АВСТРИЯ

ГРЕТА И ЕЕ ПОДРУГИ

Газета «Эстеррейхише фольксштимме» приводит следующий трогательный эпизод из жизни школьниц столицы Австрии.

Все это произошло во время большой перемены. Грета, ученица третьего класса одной из школ 2-го района Вены, вынула из портфеля аккуратно сложенный листок бумаги.

— Вот листок, — начала Грета, обращаясь к подругам, — если мы поставим на нем свои подписи, то это будет означать, что мы против атомной бомбы, которую американцы хотят использовать в новой войне. Многие из вас, как и я, потеряли в последней жестокой войне своих отцов. Если вы не хотите новой войны, то поставьте свою подпись на этом листке.

Едва только Грета спросила: «Кто подпишет?», как все наперебой стали просить у нее листок. Подписи получились не очень красивые, но зато уверенные.

Илья ЭРЕНБУРГ

ПЯТЬ СТРАН

2. ШВЕЙЦАРИЯ

Мое знакомство с швейцарским нейтралитетом началось до того, как я ступил на швейцарскую землю, а именно в швейцарском посольстве в Брюсселе. Перед тем как положить визу на мой паспорт, швейцарский дипломат предложил мне подписать бумажку, гордо именуемую «декларацией». Составляли эту «декларацию» в Берне в политическом департаменте (министерство иностранных дел). Швейцарцы Берна говорят по-немецки, но дипломатические документы пишут по-французски, хотя этим языком не владеют. Я попытаюсь передать в переводе живописность «декларации», экзотичной как по содержанию, так и по форме: «Нижеподписавшийся г. Илья Эренбург обязуется во время своего предстоящего пребывания в Швейцарии воздерживаться от всякой политической деятельности и в частности не произносить докладов, не показываться на собраниях, как общественных, так и частных, и не устраивать пресс-конференций».

Я не попытался исправить стиль «декларации», но перед словом «собраниях» я вставил «политических». Дипломат сказал, что он по этому поводу должен снестись с швейцарским правительством. Что же, каждое правительство тратит свое время так, как оно находит нужным... Я стал ждать результата телефонных переговоров. Он оказался неутешительным: швейцарское правительство не приняло внесенной мной поправки, указав, что мне запрещено показываться не только на политических собраниях, но также «на литературных, культурных, экономических и религиозных». Должен отметить, что дипломат любезно предоставил мне право посещать кинематограф и церкви. «Что значит частное собрание? — спросил я дипломата. — Если меня пригласит мой издатель, могу я принять приглашение?». Подумав, дипломат ответил: «Да».—«А если у издателя окажется супруга?» — «Это вполне естественно». — «А если издатель пригласит своих друзей?». Дипломат оживился и поспешно спросил: «Сколько?». Я ему ответил, что я не швейцарец и что у нас, «азиатов», считается неприличным, будучи приглашенным, допрашивать хозяина, кого он еще позовет. Дипломат вздохнул и сказал, что ему придется снова снестись с Берном. Прождав еще час, я узнал, что швейцарское правительство предлагает заменить слова «частные собрания» словами «частные сборища». Меня душил смех, но я сдержался и вежливо поблагодарил дипломата: «Вы воистину великодушны, вы даете мне чудесный материал для статьи».

Как содержание, так и форма «декларации» смутили даже антисоветские газеты Швейцарии. Редактор «Газетт де Лозанн» г. Беген написал: «Мы не сторонники коммунистических методов, но советский строй—это реальность, которую мы должны знать. Мы должны с ним ознакомиться не только по статьям или выступлениям его врагов, но также общаясь с людьми, которые убеждены в его превосходстве. Доклад г. Эренбурга о советской литературе представлял бы большой интерес, и его общение с швейцарскими писателями, собравшимися на конференцию в Сен-Галль, было бы плодотворным. Нет, все это запрещено... Эренбург уедет от нас, не почувствовав свободного общения с людьми, не узнав ничего о наших желаниях, о наших настроениях, о нашем образе жизни».

Одновременно со мною в Швейцарию прибыл американский генерал Спаатс. Его не попросили подписать «декларацию». Если он и не «произносил докладов», то только потому, что у него другая специальность: бомбардировочная авиация дальнего действия. Он мог, разумеется, «показываться», где вздумается, и он действительно показался — не на конференции писателей, а на военном аэродроме «нейтральной» Швейцарии в Заанен-Гстаде.

Можно привести другие примеры швейцарского «нейтралитета». В Швейцарии было запрещено выступить с лекциями или с докладами художнику Люрса, прогрессивному депутату французского парламента Пьеру Кот, писательнице Симоне Тери, генералу Пети, профсоюзному деятелю Сайяну и другим сторонникам мира. Зато в Цюрихе беспрепятственно выступил г. Черчилль, который говорил не столько о мире, сколько о войне. Боннский «канцлер» г. Аденауэр в Берне свободно оправдывал злодеяния нацистов. Адвокат Петэна г. Изорни открыто выступал с апологией измены. На «европейской конференции» в Лозанне, в присутствии члена швейцарского правительства г. Эттера, г. Спаак и зять Черчилля г. Сэндис призывали «защитить европейскую цивилизацию от азиатов». Швейцарские власти дошли до того, что разрешили повсеместно «показываться» гитлеровцу Кирхгофу, который в 1943 г. был назначен гаулейтером Швейцарии на случай оккупации ее германской армией.

Для швейцарского «нейтралитета» оказалось опасным, что я мог бы «показаться» на концерте чешской музыки в Женеве. Но для швейцарского «нейтралитета» вполне приемлема деятельность террористической организации АИАК, которая рассылает угрожающие письма государственным деятелям Румынии и Болгарии, французским коммунистам, итальянским левым социалистам. Эта организация издает журнал «Дефанс де л'Эроп», который редактирует некто Баумгартнер. В журнале можно прочитать: «Мы сообщаем о нашей деятельности за исключением работы регулярных секретных групп... Нам нужны оружие и санитарный материал для наших диверсионных групп... В своей борьбе АИАК не чувствует себя связанным никакими законами и соглашениями». Таков «нейтралитет» Швейцарии.

Впрочем, о нейтралитете швейцарцы вспоминают только тогда, когда пытаются сбыть свои часы полякам или чехам. Правда, газеты часто философствуют на тему: что такое подлинный нейтралитет? Но эти разговоры вряд ли могут быть названы нейтральными. Г-н Реверден в «Журналь де Женев» призывает к «обороне против Москвы» и заявляет: «Швейцария — это передовой бастион Запада». Майор швейцарской армии Рапп пишет в «Газетт де Лозанн»: «Вся наша оборонительная система будет направлена против русских... Мы связаны духовно и морально с Западом». Наконец, г. Бовар в «Сюисс контемпорен» заявляет: «Морально Швейцария в лагере англо-саксов... Наша оборона — это часть военной обороны европейского Запада».

Военные делают соответствующие выводы. Их планы хорошо выразил упомянутый мною майор Рапп: «Хотим мы того или нет, на этот раз мы уже целиком втянуты в борьбу». Военные не только говорят или пишут статьи, — они заняты делом. В местечке Форт Левенфорт (США, штат Канзас) помещается американская военная школа. Ее начальник генерал Мэнтон Эдди недавно объяснил, что в школе обучаются иностранные офицеры и что это «укрепляет Атлантический пакт». Официально Швейцария не примкнула к Атлантическому пакту, но швейцарские офицеры вместе с французскими и бенелюксовскими обучаются в американской военной школе. Неудивительно, что в американской печати можно найти довольно откровенные признания: «Швейцарские стрелки должны сыграть свою роль в грядущей битве за Европу».

Соответственно вышесказанному юных «стрелков» и воспитывают. 21 апреля с. г. в городе Сион преподаватель классической гимназии г. Карл Гентинетта продиктовал ученикам старшего класса нижеследующий текст для перевода его с французского языка на немецкий: «Пусть русские придут, они узнают нашу храбрость. Мы отомстим этим медведям за наших задушенных друзей и за наших похищенных жен. Эти разбойники хотят у нас похитить нашу отчизну, они уже собрали солдат, они уже подошли к предгорьям наших Альп... Вперед, навстречу врагу, накажем его за все его козни! Да хранит нас бог! Да здравствует свобода! Смерть русским!».

Этот мерзкий текст был опубликован в печати. Профессор Карл Гентинетта не наказан. В «нейтральной» Швейцарии не наказывают за пропаганду войны, в «нейтральной» Швейцарии наказывают за пропаганду мира. Четыре студента Женевского университета подверглись взысканию за то, что предложили товарищам подписать Стокгольмское обращение. Студентка в городе Бьенн была исключена из института за то, что дала товарищам листки с резолюцией против атомного оружия. Я думаю, что на этом можно закончить рассказ о швейцарском «нейтралитете».

Воспоминания о войне у швейцарцев связаны не с жертвами, не с лишениями, а с благосостоянием. Предо мною циркуляр биржевого агентства «Аффида», помещающегося в Цюрихе. Это агентство пишет своим клиентам: «Тот факт, что Россия также обладает атомной бомбой, вызовет еще больший рост американского вооружения. Ввиду этого на бирже наблюдается оживление с так называемыми «детьми войны», то-есть с акциями предприятий, которые во время второй мировой войны, благодаря военным заказам, шли на повышение. Мы предлагаем вам краткое описание «Локхид эйркрафт корпорейшн», акции которого приносят проценты, превышающие обычные, а именно 6,7 проц.». Кровь приливает к лицу, когда читаешь это послание. Дети умирали в годы войны, дети разных народов, черноволосые или белокурые, умирали от снарядов, от бомб, от голода, а швейцарские банкиры, спекулянты, маклеры холили, лелеяли, ласкали «детей войны» — акции трестов, несущих смерть. Теперь, когда детям всех народов, смуглым и светлым, грозит атомная бомба, те же банкиры, те же маклеры, облизываясь, выхватывают друг у друга акции «Локхид эйркрафт корпорейшн».

После конца войны соседние страны подсчитывали убитых, подводили итоги разрушений. Другой статистикой была занята Швейцария: она считала барыши. Газеты восхищались тем, что в итоге второй мировой войны в маленькой Швейцарии оказалось 1912 миллионеров, обладающих вместе капиталом в четыре миллиарда триста миллионов швейцарских франков, то-есть в миллиард долларов.

Однако за последнее время легкая меланхолия овладевает держателями акций. Слов нет, жира много, и он не сразу спадет, но первые симптомы надвигающегося кризиса приводят швейцарцев в скверное настроение. Эти симптомы связаны с «планом Маршалла», к которому Швейцария примкнула не потому, что она нуждалась в американской помощи, а потому, что боялась разгневать американского дядюшку. Торговый оборот за истекший год несколько сократился. Доходы железных дорог резко понизились. Количество банкротств возросло на двадцать процентов. Появились безработные, их теперь свыше тридцати тысяч. Жалобы на «американскую помощь» можно услышать повсюду. В отчете «Швейцарского экономического банка» я нашел следующие вздохи: «Экспорт нашего мыла невозможен. Напротив, растет импорт синтетических средств для стирки преимущественно из США. Большие опасения внушает значительный импорт штампованной утвари, игрушек и других товаров, особенно из США». На собрании кантональной общины Аппенцель староста (консерватор-католик) заявил: «Некоторые страны Европы, благодаря плану Маршалла, могут поставлять скот по более низким ценам, чем мы, и это наносит тяжелый удар нашему животноводству». Взволнованы фабриканты текстиля. В окнах магазинов можно увидеть отчаянные призывы к патриотизму: «Швейцарская женщина носит только швейцарские чулки». Однако американский нэйлон дешевле швейцарского, и цены решают все. Виноделы требуют запрещения «кока-кола». «План Маршалла» поставил под смертельную угрозу заводы «Испано-суиза». Нитяная мануфактура в Шафгаузене рассчитала часть рабочих, объявив: «Мы не можем выдержать американской конкуренции». Половина женевских рабочих текстильной промышленности была вынуждена переменить ремесло. Мне привелось беседовать с табачными фабрикантами; они мне рассказали, что американцы отказываются продавать Швейцарии табак, если она не купит голландских сигар. Мои собеседники пояснили, что большая часть сигар, выдаваемых при сделках за голландские, изготовляется в Соединенных Штатах. Одновременно с этим американцы отгораживаются высокими пошлинами от швейцарских товаров. Одна из важнейших отраслей швейцарской промышленности — часовая; здесь также наблюдаются беспокойство, сокращение производства, переход на укороченную рабочую неделю. Это связано с походом, объявленным американским часовым объединением против швейцарской продукции.

Средний швейцарец еще живет множеством иллюзий. Ему, например, кажется, что он разбогател в годы войны не потому, что ему повезло, а потому, что он разумнее других. Я не видел человека, выигравшего в рулетку, который считал бы себя Сократом, но швейцарцы говорили мне: «Мы спаслись благодаря уму наших политиков и мощи нашей армии».

Швейцарцы наивно думают, что горами они отгородились от армий других народов. На самом деле швейцарцы отгородились (отнюдь не горами) от идей других народов. Двадцать лет назад я писал о Швейцарии: «Изготовлять часы, показывающие время с абсолютной точностью, и опаздывать на десятилетия, порой на века — такова судьба этой страны». С тех пор соседние страны пережили многое: приход к власти Гитлера, страшную войну, эпопею савойских франтиреров, казнь дуче, раскол Германии, борьбу французов и итальянцев против господ, увлеченных военными акциями, этими «детьми войны», но попрежнему швейцарец, выверяя часы, старается не прислушиваться к ходу времени. Я не хочу этим сказать, что быт швейцарского буржуа не изменился: здесь можно увидеть те же признаки американизации, что и в других странах Западной Европы. Буржуа мало читает (меньше, чем его отец), не знаком с философскими и политическими проблемами века; несмотря на усовершенствованный холодильник и на великолепный хронометр, он напоминает тусклого провинциала. Я позволю себе привести комичный пример. В Женеве сохранился дом, где жил Достоевский. На этом доме хотели прибить дощечку: «Здесь Ф. М. Достоевский работал над своим романом «Идиот». Владелец дома запротестовал и был поддержан согражданами: «Идиот» — это оскорбление Женеве, это может оттолкнуть туристов».

Меня пригласили в Цюрихе в гости. Так как я не спросил у хозяина, сколько гостей он пригласит, в гостиной оказалось человек двадцать, среди них мэр Цюриха. Один из гостей, одетый, как сноб, скучающим голосом мне сказал: «Вы утверждаете, что наши газеты пишут неправду о вашей стране? Не думаю... Я, например, читал статью о том, что у вас поезда часто опаздывают. У нас этого не бывает. Если у вас поезда тоже никогда не опаздывают, почему бы вам не написать об этом в цюрихской газете?». Я ответил: «Проблемы железнодорожного транспорта не моя тема, Но я хочу вам сказать, что один русский поезд пришел во-время — поезд в Берлин, только благодаря этому вы остались живы и невредимы».

Подлинный перекресток Европы порой напоминает тупик. Все же люди и здесь начинают просыпаться, осматриваться, задумываться. Угроза войны вывела швейцарцев из оцепенения. Многие видные представители интеллигенции примкнули к движению за мир, среди них эллинист Боннар, автор ценных книг, посвященных культуре Древней Греции, и замечательный художник Эрни. Буржуазная чернь травит этих людей. Я читал грязные статейки о Боннаре. Что касается Эрни, то ассигнации, изготовленные по его рисункам, были задержаны после того, как он сделал плакат для Конгресса сторонников мира. Эти настоящие большие люди показывают, что в Швейцарии есть не только политический департамент, майор Рапп, биржевые агентства и молочные коровы.

Г-н Беген напрасно опасался, что я не встречу хороших швейцарцев и не пойму чаяний народа. Правда, мне не удалось побывать на конференции швейцарских писателей, но я знаю по отчетам, что литераторы, собравшиеся в Сен-Галле, обсуждали исключительно вопросы, связанные с их материальным положением. Они не говорили об угрозе войны, об атомной бомбе, о спасении детей Швейцарии. Но мне пришлось встретить немало людей, которые, пренебрегая своим материальным благополучием, ведут благородную борьбу за мир и за честь Швейцарии.

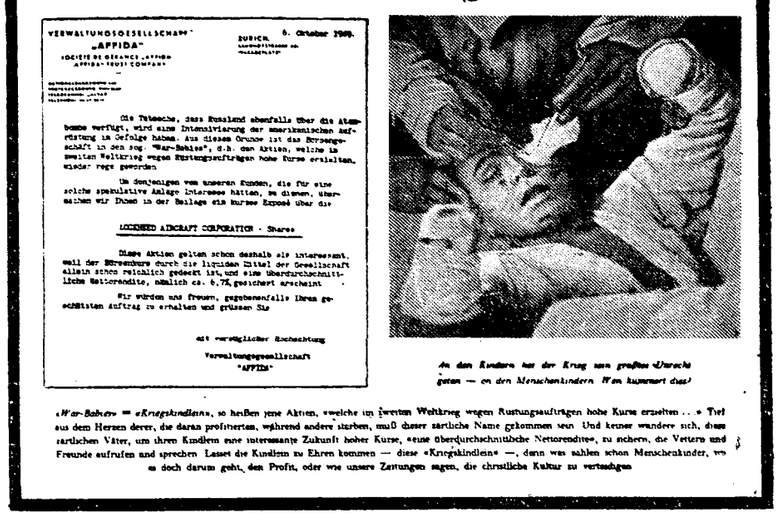
Накануне моего отъезда из этой страны в Бьенн собралась национальная конференция сторонников мира. Я не мог на ней присутствовать: конференция сторонников мира не военный аэродром, и советский писатель не американский генерал. Но я был сердцем с швейцарскими друзьями; вечером мне сообщили, что конференция приняла резолюцию, протестующую против недопущения меня на собрание сторонников мира.

Я получил письмо от Комитета свободной молодежи Швейцарии: «С чувством глубокого негодования мы узнали, что правительство запретило вам выступать в нашей стране. Наши предки проливали свою кровь за свободу, а теперь свободное слово у нас задушено. Молодежь просит вас передать сердечный привет советской молодежи, сказать, что юноши и девушки Швейцарии ведут борьбу против покушений на свободу и за сбор подписей под Стокгольмским обращением».

Кто-то рассказал жителям Цюриха о том, что в их городе находится советский писатель, и незнакомые люди пришли меня проводить. Их было много—и рабочие, и студенты,и девушки, и старики. Я знал, что они пришли потому, что верят в советский народ, в его братские чувства ко всем народам. Я уехал из Швейцарии с этим ощущением дружбы, человечности, солидарности. Не знаю, с каким чувством покинул Швейцарию американский генерал Спаатс. понял ли он, что теперь не восемнадцатый век, когда наемные солдаты Швейцарии умирали за французского короля. Медленно идет здесь время, но все же оно идет, и мне думается, что молодежь Швейцарии откажется от мало почетной роли, которую ей предлагают американцы: внуки Телля не станут стрелками во славу акций «дети войны».

См. «Литературную газету» № 50

«War-Babies» — Kriegskinder



«УОР-БЭБИС» — «ДЕТИ ВОЙНЫ» — листовка, выпущенная Швейцарским комитетом сторонников мира. Слева — рекламное обращение агентства «Аффида», призывающее покупать акции «дети войны» американских предприятий, выполняющих военные заказы. Справа — фотография пострадавшего во время бомбардировки ребенка, которому оказывается медицинская помощь (см. статью И. Эренбурга).

Ираклий АНДРОНИКОВ

ГЁТЕ ПОШЕЛ С МОЛОТКА...

Подняв молоток, аукционист объявляет: — Продаются неопубликованные автографы Гёте! Желающие могут подойти ближе: два стихотворения, еще нигде не напечатанные. Имеется письменное заключение экспертов, определяющее их подлинность... 400 марок?.. Кто больше?..

Советским людям, привыкшим к тому, что духовные ценности составляют у нас достояние народа, что рукописи великих художников слова бережно охраняются в государственных институтах, архивах, музеях, библиотеках, этот базарный торг, эти выкрики и надбавки цены на уникальные автографы великого поэта кажутся дикой выдумкой. Однако это не выдумка. Два неопубликованных стихотворения Гёте, написанных в 1827 году, были недавно, по сообщению «Манчестер гардиан», проданы с аукциона в Западной Германии. Продавал их некий Герд Розен — берлинский антиквар.

Впрочем, что удивительного, что в мире, который на языке буржуазных писак деликатно именуется «системой западных демократий» — в мире бесчестной наживы и бешеных спекуляций,— неопубликованные стихотворения Гёте продаются с молотка вместе с пивной кружкой, старым зонтиком и двуспальной кроватью!

Раз можно извлечь выгоду, — значит продается и покупается. Да! Рукописи великого Гёте будут вывезены из Германии! Но какое дело до Германии и до Гёте американским спекулянтам и барышникам, торгующим Западной Германией оптом и в розницу!

Картины великих мастеров вывозятся из Германии, чтобы украсить столовую невежественного скотопромышленника из Чикаго. Кроме него, ковыряющего в зубах после обильного обеда, никто не увидит этих картин. Впрочем, и он не посмотрит: он ровно ничего не понимает в картинах. Но это товар, следовательно, это бизнес.

Теперь и стихотворения Гёте разделят печальную судьбу знаменитых полотен.

В XVIII веке крупный австрийский магнат граф Эстергази, на службе у которого состоял великий композитор Гайдн, тоже убирал под замок сонаты и квартеты Гайдна, считая их своей собственностью, поскольку они были написаны на его территории. Не давал играть другим, не разрешал напечатать. А после смерти своей завещал наследнику. Так никому не известные творения Гайдна и переходили по наследству от одного дикаря Эстергази к другому.

Нынешние американские дикари не в пример наглее. Гёте у них даже и не служил и на территории их не писал, а они, пытаясь разграбить культуру Германии, везут за океан все, что только можно погрузить и вывезти,— рукописи, книги, картины, статуи.

Владелец дома в австрийской деревушке Рорау тоже не хочет отстать от американцев. В том доме, который составляет теперь его собственность, родился когда-то Гайдн. А ему—наплевать. Захотел—устроил в домике Гайдна конюшню. Понятно, что при этом те немногие предметы, которые принадлежали славному музыканту, исчезли. Какой уж там карандаш или тросточка, когда в кабинете Гайдна фыркают першероны! Газета «Эстеррейхише фольксштимме» пишет, что австрийское правительство собиралось в прошлом году купить у владельца часть дома и оборудовать там музей Гайдна. Однако не купило и не оборудовало: очевидно, невыгодно — не дает прибылей.

Какая, скажите, может быть прибыль от могилы Даниэля Дефо, автора знаменитой книги «Робинзон Крузо»? Могилу не продашь, не спрячешь в сейф и не повесишь на стену. А так как несколько фунтов стерлингов, потребных на то, чтобы содержать в порядке могилу Дефо, не приносят процентов, то надгробный памятник на кладбище Банхилл Филдс в Лондоне пошлинял, облупился, надпись почти нельзя разобрать. Британская империя не отпускает средств, чтобы заплатить кладбищенскому сторожу. И поэтому газета «Ивнинг стандард» призывает «девочек и мальчиков Англии» создать необходимый денежный фонд, чтобы привести могилу в порядок.

Тяжелое положение!

Не отправить ли правительству Эттли памятник Даниэля Дефо в США, в имение какого-нибудь барона с Уолл-стрита, не дожидаясь, пока инициативу проявит сам барон?!

НОВЫЕ КНИГИ

Четверостишия Бо Цзюй-и

В китайском культурном наследии видное место занимает поэзия, достигшая расцвета в так называемую танскую эпоху (VII—IX вв). Тогда творили такие поэтические гении китайского народа, как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и.

В своем творчестве эти поэты сумели подняться выше эгоистических интересов правящего класса, к которому они принадлежали, и отразить дух народа, его мысли и чаяния. Поэтому они особенно дороги демократическому Китаю.

Недавно в переводах Л. Эйдлина вышла книга «Четверостишия» Бо Цзюй-и — поэта, близко стоявшего к народу и боровшегося с тенденциями придворной аристократической поэзии.

До нас дошли письма Бо Цзюй-и к его другу и ученику, поэту Юань Чженю. В этих письмах IX века нас поражают ясные мысли о необходимости связи поэзии с жизнью, о значении социальной темы в поэзии.

Поэзия Бо Цзюй-и близка народу. «За то, что стихи его понятны народу, прежние историки литературы не очень жаловали Бо Цзюй-и и ставили его во второй ряд поэтов танской эпохи. Но теперь эту оценку следует пересмотреть. И то, что в социалистическом государстве — Советском Союзе — стихи Бо Цзюй-и переведены в первую очередь, является самым конкретным подтверждением изменения старой оценки», — писал Го Мо-жо в статье по поводу переводов стихов Бо Цзюй-и.

Бо Цзюй-и на русский язык переводится не впервые, но так полно, как теперь, он еще представлен не был. В рецензируемой нами книге содержится сто пятьдесят восемь стихотворений. Дело, однако, не только в этом. Главное достоинство переводов «Четверостиший» в том, что они правильно передают дух поэзии Бо Цзюй-и, особенности его творчества и строй поэтической речи.

В переводе сохранены особенности танского стихосложения — цезура, образы и, главное, характерная композиция.

Наше внимание привлекают гневные стихи Бо Цзюй-и, такие, как «Дулинский старик», принадлежащие к циклу «Новые народные песни».

В своих стихотворениях поэт выражает сочувственное отношение к простому народу, изнывавшему под феодальным гнетом.

В книге, в целом хорошей, все же есть недостатки. В ней встречаются места, требующие более четкого и простого пояснения. Вот начало предисловия к стихам «В болезни»:

«Во время, известное под девизом Кай Чэн, в год Цзи Вэй, я был в возрасте, как говорится, прибрежной ивы — мне исполнилось шестьдесят восемь лет. Зимою, в десятом месяце, в утро под циклическими знаками Цзя Инь я впервые заболел ревматизмом...»

Все это непонятное читателю перечисление китайских названий «спасается» подобными же примечаниями: «Цзи Вэй— четвертый год периода под названием Кай Чэн (839)».

Очень жаль также, что сборник не полон: переводчик не включил в книгу направленное против принудительных рекрутских наборов стихотворение «Синьфэнский старик со сломанной ногой» и прошел мимо поэм Бо Цзюй-и.

Говоря о книге, нельзя не отметить мастерски сделанные гравюры художника М. Пикова.

Издание на русском языке книги великого китайского поэта — ценный вклад в дело развития культурного общения между двумя великими народами.

Ф. ТЕРСКИЙ

Бо Цзюй-и. «Четверостишия». Перевод с китайского, вступительная статья и комментарии Л. Эйдлина. Государственное издательство художественной литературы. Москва. 1949.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-й Обыденский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — Г 6-44-48, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02405.